

НОРА РОБЕРТС

Театр смерти

Eve
ROBB
Dallas

*Когда я работаю над романом,
это праздник эмоций.
Это такой поток чувств,
как будто я впервые влюблена...
Нора Робертс*

Нора Робертс
Театр смерти
Серия «Ева Даллас», книга 11

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3116075
Театр смерти: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38577-5

Аннотация

Лейтенант полиции Ева Даллас расследует новое преступление, которое на этот раз произошло прямо на ее глазах, в театре, во время представления. Вместо бутафорского ножа в руке главной героини оказался настоящий... Теперь Ева не просто ведет следствие, она еще является важным свидетелем, что ставит ее в довольно трудное положение. А когда пресса узнает, что театр принадлежит ее мужу Рорку, начинается такой скандал, что единственный выход – расследовать все как можно быстрее. Но мир театра – это особый мир. Здесь слишком много интриг, сплетен, зависти... Еве предстоит нелегкая задача – увидеть разницу между правдой и мастерской актерской игрой...

Содержание

1	4
2	13
3	24
4	35
5	44
6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Нора Робертс

Театр смерти

1

Убийство всегда обладает некой притягательной силой. Примитивное или изощренное, полное черного юмора или печальной скорби – это самое тяжкое преступление испокон века является предметом пристальных исследований как в жизни, так и в искусстве.

На протяжении всей истории человечества демонстрация убийства неизменно собирала людские толпы. Римляне давились при входе в Колизей, желая насладиться кровавым зрелищем того, как гладиаторы мечами и трезубцами превращают друг друга в отвратительные ошметки мяса. А чтобы отвлечься от будничных дел и взбодриться, шли поглядеть, как несчастных христиан скармливают голодным львам на потеху беснующейся публике.

Вряд ли подобное зрелище вызывало бы такой интерес, если бы хоть на миг можно было допустить, что в неравной схватке люди смогут победить хищников. Убийство зверя – совсем другое дело. Оно не дает того дикого азарта, того кратковременного помешательства, которое предлагает зрителю настоящее убийство – убийство себе подобного. И люди расходились по домам, довольные тем, что их деньги не пропали даром, а еще – тем, что сами они живы и здоровы. Наблюдать узаконенное убийство – прекрасный способ доказать себе, что, в конце концов, у тебя самого, несмотря на жизненные невзгоды, дела обстоят не так уж и плохо.

За последние два тысячелетия человеческая природа мало изменилась. Пожирание христиан львами, возможно, осталось в прошлом, но и в двадцать первом веке убийство имело неизменно высокий рейтинг в средствах массовой информации. Разумеется, обличье его теперь стало куда более цивилизованным. Целые семьи, влюбленные парочки, яйцеголовые умники и их неотесанные провинциальные родственники выстраиваются в длинные очереди и отпихивают друг друга локтями, желая, чтобы их развлекли созерцанием убийства.

Лейтенант Ева Даллас имела дело с преступлением и наказанием в силу своих профессиональных обязанностей: она работала в отделе по расследованию убийств. Однако сегодня вечером она сидела в удобном кресле переполненного театрального зала и смотрела спектакль, главную интригу которого составляло именно убийство.

– Это он! Голову даю на отсечение, убийца – он!

Рорк усмехнулся, но ничего не сказал. Реакция жены была интересна ему не меньше, чем происходящее на сцене. Ева подалась вперед, вцепившись руками в хромированные перила директорской ложи, и буквально ощупывала взглядом сцену. Но в этот момент занавес пошел вниз, и наступил антракт.

– Это Воул, – безапелляционно заявила Ева. – Именно он убил женщину. Размозжил ей голову, чтобы захватить ее денежки.

Рорк разлил по бокалам шампанское из бутылки, охлажденной в серебряном ведре со льдом. Приглашая жену на открытие первого сезона в своем новом театре, он не знал, какова будет ее реакция на пьесу об убийстве. И теперь был весьма доволен тем, что пьеса ее захватила.

– Может, ты и права.

– Не «может», а права. Уж я-то в этом разбираюсь!

Ева взяла высокий изящный бокал и посмотрела на мужа. Боже, что у него за лицо! Казалось, оно вырезано резцом какого-то гениального скульптора, которому под-

властны сокровенные тайны мастерства. Его невероятная красота заставляла учащенно биться сердце любой женщины. Темная копна длинных волос, тонкие черты, идеально очерченные губы, которые теперь были изогнуты в подобии улыбки... Он протянул руку и прикоснулся к волосам жены. При взгляде в его глаза – горящие, пронзительно синего цвета – у Евы до сих пор замирало сердце. Она не переставала удивляться, как мужчина одним только взглядом может довести ее до такого состояния.

– На что ты смотришь? – спросила она.

– На тебя. – В этих простых словах, произнесенных с легким ирландским акцентом, все звуки были волшебными. – Я люблю на тебя смотреть.

– Правда? – Ева склонила голову набок. Она наслаждалась, думая о том, что впереди – беззаботный вечер, который они проведут вдвоем. – Значит, ты не против того, чтобы подурачиться?

Рорк поставил бокал с шампанским и пробежался пальцами вверх по стройной ноге жены – до того места на бедре, где заканчивалось ее короткое платье.

– Прекрати, извращенец!

– Но ты же сама попросила.

Ева засмеялась и подала мужу его бокал.

– Половина зрителей в этом твоём театре и без того смотрят в бинокли не на сцену, а на нашу ложу. Им интересен Рорк, а уж потом – все остальное.

– Нет, они смотрят на мою красавицу жену – лучшего в городе сыщика, которому удалось положить меня на обе лопатки.

Как и ожидал Рорк, Ева фыркнула, а он, воспользовавшись этим, подался вперед и на мгновение прижался губами к ее губам.

– Держи себя в руках! – с притворной строгостью предупредила она. – Иначе нам придется уйти, не дождавшись окончания спектакля.

– Но мы же фактически молодожены! А молодоженам ничуть не стыдно целоваться на глазах у посторонних.

– Можно подумать, тебя волнует, что стыдно, а что не стыдно! – Ева положила руку на грудь мужа и отодвинула его на безопасное расстояние. Затем она отвернулась и стала рассматривать зал.

Ева плохо разбиралась в архитектуре и дизайнерском искусстве, но это помещение буквально дышало роскошью. Наверняка Рорк привлек лучших специалистов, чтобы вернуть старому зданию его былое величие и славу. Пока продолжался антракт, сотни зрителей входили и выходили из огромного зала, и их голоса сливались в глухой непрекращающийся гул. Некоторые были одеты роскошно, другие вполне естественно чувствовали себя в обычных кроссовках и безразмерных пиджаках в стиле ретро – писк моды нынешней зимы.

Расписанные потолки, словно парящие на недостижимой высоте, мили красного коврового покрытия, акры позолоты – театр был отделан в соответствии с пожеланиями Рорка. Впрочем, вообще все, чем он владел, было сделано в соответствии с его желаниями, а владел он, похоже, чуть ли не всем, что можно купить за деньги. Так, по крайней мере, часто казалось Еве. Она до сих пор не могла к этому привыкнуть, и каждый раз при мысли о том, что ее мужу принадлежит едва ли не вся планета, ей становилось не по себе. Но куда деваться! В конце концов, это был Рорк, ее муж, с которым она поклялась быть вместе «и в горе, и в радости». Кстати, за год, в течение которого Рорк и Ева были вместе, они испытали достаточно и того и другого...

– Да, ну и наворотил ты здесь всего, дружок, – произнесла Ева, снова обводя глазами зал. – Я, конечно, видела фотографии театра, но такой роскоши даже представить себе не могла.

– Роскошь – это еще не все, – ответил Рорк. – В театре главное люди: и те, что на сцене, и те, что в зале.

– Поверю тебе на слово. Но почему для открытия сезона ты выбрал эту пьесу?

– Потому что это великолепно скроенная история. В ней есть и любовь, и предательство, и убийство. Да и актерский состав поистине звездный.

– И на всем – отпечаток твоей титанической личности! Но Леонард Воул все равно виновен. Это он совершил убийство. – Ева Даллас, прищутив глаза, снова стала смотреть на сцену, будто ее взгляд мог проникнуть за тяжелый красный с позолотой занавес. – Его жена – классная женщина, она еще наверняка себя проявит. Адвокат тоже хороший мужик.

– Не адвокат, а барристер, – поправил жену Рорк. – Действие пьесы происходит в Англии в середине двадцатого века. Там адвокаты по уголовным делам называются барристерами.

– Какая разница! А костюмы просто великолепные!

– Они – подлинные. Кстати, в 1952 году по этой пьесе был поставлен фильм «Свидетель обвинения». Он имел оглушительный успех. В нем тоже играли звезды первой величины.

«Наверняка у Рорка есть диск с записью этого фильма», – подумала Ева. Ее муж вообще питал необъяснимую слабость к черно-белым картинам середины прошлого века. В отличие от многих он умел находить в черно-белых фильмах большую глубину и хотел, чтобы и Ева постигла их прелесть.

– Режиссер и его помощники постарались на славу – подобрали артистов, которые и внешне похожи на киношных исполнителей, но при этом обладают яркой индивидуальностью. Как-нибудь мы обязательно посмотрим этот фильм, и ты поймешь, что я имею в виду.

Рорк тоже обвел глазами огромный зал. Как бы ни было ему приятно проводить вечер в обществе любимой жены, все же он оставался бизнесменом, а постановка этой пьесы была для него прежде всего выгодным финансовым проектом.

– Все же не зря я затеял все это! Вот увидишь: спектакль будет идти долго и с большим успехом.

– Ой, смотри, вон доктор Мира! – воскликнула Ева, привстав с кресла и указывая на полицейского психолога – элегантную женщину, затянутую в длинное белоснежное платье. – С мужем пришла. Его сегодня просто не узнать!

– Хочешь, пошлем им записку и пригласим куда-нибудь после окончания спектакля? – предложил Рорк.

Ева уже открыла было рот, чтобы согласиться, но затем пристально посмотрела на Рорка и мотнула головой:

– Нет, не надо. У меня на сегодняшний вечер другие планы.

– Правда?

– Да. А ты что, против?

– Вовсе нет. – Рорк долил в бокалы шампанского. – А теперь, пока у нас есть несколько минут перед началом второго действия, расскажи мне, почему ты так уверена, что убийца – Леонард Воул?

– Слишком он гладенький, слишком лощеный. Но не так, как ты, – добавила Ева, вызвав у Рорка усмешку. – У тебя лоск идет изнутри, а он будто маслом намазан.

– Дорогая, ты мне льстишь...

– Как бы то ни было, он скользкий тип. Умело разыгрывает из себя честного, трудолюбивого, доверчивого человека, которому в какой-то момент не повезло. Но такие «отличники», да еще имеющие жен-красавиц, не связываются с несимпатичными дамами преклонного возраста, если только у них нет какой-то тайной цели. А у этого цель гораздо более масштабная, нежели всучить дурацкую кухню, которую он соорудил.

Ева отпила из своего бокала, и тут в зале чуть пригасли огни, возвещая о том, что антракт окончился.

– Жена знает, что убийство совершил он. Кстати, основное действующее лицо – вовсе не он, а она. Эта женщина – умница. Если бы я расследовала это дело, то главное внимание обратила бы именно на нее. Да уж, я бы поговорила по душам с Кристиной Воул!

– Значит, пьеса тебе понравилась?

– Умная вещь.

Занавес поднялся, но вместо того, чтобы следить за действием на сцене, Рорк продолжал любоваться Евой, думая о том, что она, наверное, самая удивительная женщина на свете. Совсем недавно она вернулась домой в одежде, запачканной кровью. К счастью, чужой. Оказалось, что она расследовала дело, раскрытие которого заняло у нее всего один час – с того момента, как было совершено убийство, и до того, как арестованный сознался в его совершении.

К сожалению, не часто все происходило с такой потрясающей простотой. Рорк нередко наблюдал, как Ева доводит себя буквально до изнеможения, отчаянно рискует жизнью – и все для того, чтобы правосудие восторжествовало. И это было лишь одно из многих ее прекрасных качеств, которыми Рорк неподдельно восхищался.

А теперь она здесь, рядом с ним, в элегантно обтягивающем черном платье. Из драгоценностей на ней был лишь редкостной красоты бриллиант в форме капли, который подарил ей Рорк. Он лежал, словно сияющая застывшая слеза, в ложбинке между грудями Евы. И только прическа ее была, как всегда, небрежной – шапка коротких каштановых волос. Губы Евы были не накрашены – она редко пользовалась губной помадой. Ее красивое волевое лицо вообще не нуждалось в косметике.

Она смотрела спектакль холодными глазами полицейского: пыталась уяснить мотив преступления, найти улики, чтобы в итоге вычислить убийцу – точно так же, как она делала бы это, занимаясь настоящим расследованием. Рорк видел, как сжались губы Евы и сузились ее глаза, когда она наблюдала за действием. Кристина Воул как раз заняла свидетельское место – и начала предавать мужчину, которого называла своим мужем.

– Она что-то задумала! Я же тебе говорила, что она непростая штучка!

Рорк сжал руку жены.

– Говорила, говорила...

– Она лжет, – пробормотала Ева. – Вернее, ловко перемежает ложь с правдой. При чем тут кухонный нож? Ну, порезался он им – это не так важно. Отвлекающий момент. Это не орудие убийства, которое, кстати, даже не присутствует среди улик. Но если он просто порезался этим кухонным ножом, когда резал хлеб, – и все с этим согласятся, – на кой черт он тут нужен?!

– Воул утверждает, что порезался случайно, – заметил Рорк. – Но он мог сделать это намеренно, чтобы объяснить кровь на рукавах.

– Не имеет значения. Это все дымовая завеса. – Ева нахмурила брови. – А он хорош! Смотри, как держится. Делает вид, будто потрясен, подавлен ее показаниями.

– А разве нет?

– Тут что-то не так. Чего-то не хватает... Но я выясню, чего именно.

Еве нравилось тренировать свой ум при каждом удобном случае, рассматривая вещи под разными углами, анализируя и пытаясь найти ключики к самым мудреным замочкам. До того, как они с Рорком поженились, Ева ни разу не была в театре, очень редко смотрела видео и еще реже позволяла своей подруге Мэвис затащить ее в кино. И сейчас живая игра актеров захватила ее. Сидя в темном зале и наблюдая за развитием событий на сцене, она начинала чувствовать себя участницей происходящего. Причем без всякой ответственности. Глупая богатая вдова, которая позволила проходимцу размозжить ей голову, не ждала помощи от

лейтенанта Евы Даллас, поэтому теперешнее «расследование» превращалось в захватывающую игру.

Если все сложится так, как хочется Рорку, – а иначе просто не бывает, – эта богатая вдова будет умирать шесть раз в неделю по вечерам и два – во время утренних спектаклей. Причем продолжаться это будет несколько месяцев – на потеху «детективам», сидящим в креслах согласно купленным билетам.

– Не стоит он того, – пробормотала Ева. Пьеса настолько захватила ее, что она искренне негодовала на персонажей, которые были ей не по душе. – Кристина жертвует собой, разыгрывает перед присяжными спектакль, чтобы они увидели в ней хищницу, бессердечную суку. И все для того, чтобы выгородить его. Потому что она его любит. А он просто дешевка!

– Но ты же сама сказала, что она предала его, – откликнулся Рорк.

– Это только кажется, – отмахнулась Ева. – На самом деле, прикинувшись злодейкой, она перевела все стрелки на себя. На кого смотрят сейчас присяжные? На нее. Она оказалась в центре внимания, а о нем все уже забыли. Здорово у нее голова работает! Только вот ради кого? Ради этого ничтожества? Неужели она сама еще этого не поняла?

– Подождем – увидим.

– Ну скажи, я права?

Рорк наклонился и поцеловал жену в щеку.

– Нет.

– Нет? Я не права?!

– Нет, я не скажу тебе. А ты помолчи, иначе пропустишь что-нибудь важное.

Ева бросила на мужа сердитый взгляд, но все же послушалась и продолжала смотреть спектакль молча. Когда присяжные признали подсудимого невиновным, она возмущенно закатила глаза. Ну и олухи! Значит, присяжные – дураки не только в реальной жизни, но и в пьесах. Если бы вместо этих двенадцати простофиль в жюри присяжных посадить двенадцать полицейских, они прищучили бы этого мерзавца в два счета!

Только Ева хотела высказать все это Рорку, как вдруг заметила, что на сцене Кристина Воул пробирается через толпу «зрителей», жаждавших ее крови, обратно – в почти уже опустевший зал суда. Ева удовлетворенно кивнула, когда Кристина призналась барристеру в том, что солгала суду.

– Она знала, что он виновен! Я так и думала. Знала и лгала, чтобы выгородить его. Дурочка! А он теперь почистит перышки и снова начнет доить ее, вот увидишь.

Услышав смех Рорка, Ева с негодованием повернулась к нему.

– Что тут смешного?

– Просто я подумал, что вы с Агатой Кристи составили бы прекрасный тандем.

– Тихо! Вот он идет! Гляди, как злорадствует...

Леонард Воул пересек ту часть сцены, где декорации изображали зал суда, держа под руку худенькую брюнетку. Он откровенно торжествовал по поводу своего освобождения. «Уже нашел себе новую бабу, – подумала Ева. – Что ж, ничего удивительного». Кристина кинулась к Леонарду, по-видимому намереваясь его обнять, и Ева испытала по отношению к ней одновременно раздражение и жалость.

Леонард вел себя высокомерно и нагло, Кристина была в отчаянии, сэр Уилфред – в гневе. Пока все шло именно так, как и ожидала Ева. Но внезапно она вскочила с кресла и вскрикнула:

– Черт побери!

– Садись, девочка.

Рорк усадил жену обратно в кресло. А тем временем на сцене Кристина Воул схватила со стола улик кухонный нож и пронзила им черное сердце своего супруга.

– Вот этого я не ожидала! – снова воскликнула Ева. – Она казнила его!

«Да, – подумал Рорк, – моя Ева на самом деле понравилась бы Агате Кристи».

Между тем сэр Уилфред как ошпаренный подскочил к поверженному телу, остальные актеры последовали его примеру. Кристину Воул оттащили от «убитого».

– Постой-ка, там что-то не так, – проговорила Ева. Она снова вскочила на ноги, но теперь ее сердце билось уже совсем в ином ритме, чем минуту назад. – Что-то не так... Как спуститься туда, вниз?

– Ева, это же спектакль!

– Нет. По-моему, кто-то решил играть всерьез.

Она откинула стул со своего пути и выскочила из ложи. Рорк успел заметить, как кто-то из актеров, стоявших возле Воула на коленях, поднялся на ноги и теперь рассматривал кровь на своих руках. Не медля больше ни секунды, он догнал Еву и схватил ее за руку.

– Сюда! Там – лифт. Если мы спустимся на нем, то окажемся прямо за кулисами.

Он набрал комбинацию на кодовом замке, и в этот момент откуда-то снизу донесся пронзительный женский крик.

– Это тоже было в пьесе? – спросила Ева, когда они с Рорком вошли в лифт.

– Нет.

– Понятно. – Ева достала из сумочки сотовый телефон и набрала номер. – Говорит лейтенант Ева Даллас. Пришлите «Скорую помощь» в театр «Новый Глобус» на пересечении Бродвея и 38-й улицы. Состояние потерпевшего и серьезность ранения пока неизвестны.

Как только она спрятала телефон, двери лифта открылись и они оказались в самой гуще хаоса.

– Убери отсюда всех этих людей, и пусть за ними присматривают. Никто из актеров, технического состава и обслуживающего персонала не должен покидать здание. Ты можешь предоставить мне список всех работающих в театре?

– Постараюсь...

Они с Рорком расстались, и Ева стала проталкиваться к середине сцены. К счастью, у кого-то хватило ума опустить занавес, но за ним на сцене творилось нечто невообразимое. Казалось, половина зала находится в состоянии истерики.

– Расступитесь! – скомандовала она.

– Нужно вызвать доктора! – Блондинка, игравшая Кристину Воул, стояла над телом, прижав руки к груди. И они, и ее платье были вымазаны кровью. – О господи, ну вызовите же доктора!..

Ева склонилась над мужчиной, лежавшим вниз лицом на сцене. Перевернув его на спину, она сразу поняла, что никакие доктора ему уже не помогут. Она выпрямилась и достала свой полицейский жетон.

– Я лейтенант Даллас из Управления полиции Нью-Йорка. Я требую, чтобы все покинули сцену. Ни к чему не прикасаться и ничего не убирать!

– Это несчастный случай. – Актер, игравший сэра Уилфреда, стащил с головы парик барристера с жесткими седыми буклями. С его лица ручейками стекал пот, размывая театральный грим. – Какое ужасное несчастье!

Ева посмотрела на лужицу крови и обгаренный по самую рукоять кухонный нож.

– Это место преступления, и я хочу, чтобы вы его очистили. Где, черт побери, служба безопасности? – Она положила руку на плечо актрисы, которую про себя до сих пор называла Кристиной Воул, и произнесла: – Пожалуйста, отойдите в сторону.

Ева заметила Рорка, который вышел из боковой кулисы в сопровождении трех широкоплечих мужчин, и подала им знак.

– Уведите всех этих людей со сцены и изолируйте их. Есть же у вас здесь всякие гриммерные или что-то там еще. Заприте их и приставьте охрану. То же самое относится и к техническому персоналу.

– Он мертв?

– Либо да, либо он – лучший артист столетия.

– Нужно вывести из театра зрителей, чтобы, упаси бог, не началась паника. Пойду займусь этим.

– Давай. И попробуй найти Миру, если она еще не ушла. Возможно, она мне понадобится.

– Я убила его. – Блондинка, шатаясь, сделала два шага назад, по-прежнему прижимая к груди окровавленные руки и глядя на Еву с Рорком. – Я убила его...

Внезапно глаза ее закатились, и она упала без чувств.

– Великолепно, только этого нам не хватало! Рорк!

– Я позабочусь о ней.

– Вы, – Ева указала на одного из охранников, – начинайте выводить людей и распределите их по гримуборным. Вы, – указала она на второго охранника, – соберите технический и обслуживающий персонал и также изолируйте их. Все двери должны быть заперты. Никто не входит, никто не выходит.

Какая-то женщина начала всхлипывать, несколько мужчин принялись громко возмущаться. Ева досчитала до пяти, затем подняла руку со своим полицейским значком и крикнула:

– Внимание! Идет полицейское расследование. Любой, кто откажется выполнять приказы и станет мешать следствию, будет немедленно доставлен в ближайший полицейский участок и заключен под стражу. А теперь я требую очистить место преступления!

– Пойдемте, – обратилась к своим коллегам миловидная брюнетка, игравшая новую любовницу Воула, и грациозно двинулась со сцены. – Эй вы, большие сильные мужчины! Возьмите вашу примадонну. А мне нужно выпить. Надеюсь, это не помешает расследованию, лейтенант? – обратилась она к Еве, посмотрев на нее холодным взглядом зеленых глаз.

– Хоть залейтесь! Только не на месте преступления.

Ева вновь достала из сумочки сотовый телефон и набрала номер.

– Это опять лейтенант Ева Даллас. Немедленно пришлите ко мне бригаду экспертов.

* * *

– Ева! – Через сцену торопливо шла доктор Мира. – Рорк сказал мне... – Увидев лежащее тело, она осеклась. – Боже правый! – Она перевела взгляд на Еву. – Чем я могу помочь?

– Сюда уже едет Пибоди. Кроме того, я вызвала бригаду врачей и оперативную группу экспертов. Ну а пока их нет, вы – и врач, и представитель полиции. Извините, что я испортила вам вечер.

Мира покачала головой, давая понять, что извинения ни к чему, и уже собралась встать на колени возле трупа, но Ева остановила ее:

– Не надо! Здесь кровь. Вы испортите мне место преступления, а себе – платье.

– Как это случилось?

– Это вы мне расскажите. Вы ведь тоже смотрели спектакль. Пока я знаю только, что орудием убийства стал нож. У меня с собой нет набора нужных инструментов и приборов. Где же эта Пибоди, черт побери?!

Расстроенная тем, что не может приступить к расследованию немедленно, Ева круто развернулась и увидела Рорка.

– Доктор Мира, вы не могли бы некоторое время побыть здесь вместо меня? – Не дожидаясь ответа, она пошла в левую часть сцены, где стоял Рорк. – Расскажи мне о ноже, который фигурирует в последней сцене.

Рорк пожал плечами:

– Обычный бутафорский нож. Когда прижимаешь лезвие к твердой поверхности, оно уходит в рукоятку.

– На сей раз не ушло, – пробормотала Ева. – Как зовут убитого?

– Ричард Драко. Очень талантливый актер. Был... – добавил Рорк.

– Ты хорошо его знал?

– Нет, не очень. Встречались несколько раз на приемах. Но с его творчеством я был знаком хорошо. – Рорк засунул руки в карманы и принялся раскачиваться на каблуках, глядя в ту сторону, где, теперь уже лицом вверх, лежал Драко с широко открытыми остекленевшими глазами. – Он получил кучу премий, о нем вздох писали газеты... Драко на протяжении многих лет считался признанной звездой сцены и кино, но пользовался репутацией человека высокомерного, со сложным характером. Волочился за женщинами, баловался наркотиками...

– А женщина, которая его убила, – кто она?

– Айрин Мэнсфилд. Блистательная актриса. Редкий тип: очень уравновешенна и фанатично предана искусству. В театральных кругах ее чрезвычайно уважают. Она живет и работает преимущественно в Лондоне, но ее убедили переехать в Нью-Йорк, чтобы играть в этом спектакле.

– Кто убедил?

– Частично – я. Мы знакомы уже несколько лет. Нет, – добавил Рорк, снова сунув руки в карманы, – я с ней никогда не спал.

– Я об этом не спрашивала.

– Нет, ты спросила. Взглядом.

– Ну хорошо, если так, давай поговорим на эту тему. Почему же ты с ней не спал?

Губы Рорка изогнулись в насмешливой улыбке.

– Сначала она была замужем. А потом, когда освободилась она, женился я. – Рорк прикоснулся пальцем к ямочке на подбородке Евы. – А моя жена не простит мне, если я буду спать с другими женщинами. Она на этот счет очень сурова.

– Учту. – Немного подумав, Ева добавила: – Ты знаком с большинством этих людей – или, по крайней мере, имеешь достаточно ясное представление о том, что они собой представляют. Поэтому чуть позже я хочу с тобой поговорить. – Она вздохнула. – Официально.

– Конечно, лейтенант, – шутливо козырнул Рорк. – Как, по-твоему, есть вероятность того, что это был несчастный случай?

– Всякое может быть. Мне нужно осмотреть нож, но я не могу прикоснуться к нему, пока не приедет Пибоди с набором инструментов. Может, пойдешь туда, посмотришь, как там дела, и проконтролируешь своих людей? И будь внимателен.

– Ты просишь меня помочь тебе в официальном полицейском расследовании?

– Нет, не прошу. – Несмотря на печальные обстоятельства, Ева не смогла удержаться от улыбки. – Я просто посоветовала тебе быть внимательным. – Она уперлась пальцем в грудь Рорка. – Не вздумай вмешиваться в мои дела. С этой минуты я на службе.

Ева обернулась, услышав тяжелый топот, который могли издавать только полицейские ботинки. Даже отсюда, с противоположной стороны сцены, было заметно, что Пибоди являет собой образец служаки: зимняя шинель застегнута до самого горла, фуражка на темных прямых волосах сидит идеально – именно под тем углом, который прописан в уставе.

Направившись навстречу друг другу с разных концов сцены, они встретились в самом центре площадки.

– Добрый вечер, лейтенант. Здравствуйте, доктор Мира. – Посмотрев на труп, Пибоди сложила губы трубочкой. – Да, неприятный подарок к открытию театра.

Ева взяла набор с инструментами, который принесла Пибоди, и покрыла руки специальным составом, чтобы не оставлять отпечатков.

– Начинай запись, Пибоди, – скомандовала она.

– Есть, шеф.

От театральных юпитеров исходил жар, поэтому Пибоди сняла шинель, аккуратно сложила ее и повесила на спинку ближайшего стула, а затем достала диктофон и включила его.

Ева начала диктовать:

– Отчет об осмотре места преступления лейтенантом Евой Даллас. Сцена театра «Новый Глобус». Присутствуют также сержант Делия Пибоди и доктор Шарлотта Мира. Убитый – Ричард Драко, белый, возраст – около пятидесяти лет. Причина смерти – ножевое ранение. Визуальный осмотр и минимальное количество крови показывают, что ранение нанесено в сердце.

Наклонившись, Ева подняла с пола нож.

– Орудие убийства с виду напоминает кухонный нож для резки хлеба. Лезвие зубчатое, примерно восьми дюймов в длину.

– Я измерю и упакую его, лейтенант.

– Не сейчас, – пробормотала Ева. Она самым внимательным образом осмотрела нож – от кончика лезвия до рукоятки. – Осмотр показал, что устройство для утапливания лезвия в рукоятку отсутствует. Это не бутафорский нож. А следовательно, произошедшее не является несчастным случаем. Это убийство.

С этими словами она передала нож Пибоди.

2

– Я рассчитываю на вашу помощь, – сказала Ева доктору Мире, когда тело Драко было упаковано в пластиковый мешок и отправлено в морг.

– Что я могу для вас сделать?

– У меня тут два десятка полицейских собирают имена и адреса зрителей, которые могут дать свидетельские показания. – Ева поморщилась. Ей даже думать не хотелось о том, что за этим последует: допросы сотен человек, горы бумаг, бессонные часы... – Но мне хотелось бы допросить главных действующих лиц этой драмы прямо сейчас. Что называется, по горячим следам – пока они не успели опомниться и созвониться со своими адвокатами.

Занавес уже подняли, и Ева обвела глазами казавшиеся бесконечными ряды кресел, обитых красным бархатом. Совсем недавно здесь сидели тысячи восторженно рукоплещущих зрителей. И кто-то один – хладнокровный и жестокий. И очень умный...

– В вашем присутствии люди чувствуют себя раскованно, – добавила она. – А мне сейчас очень нужно, чтобы Айрин Мэнсфилд не замкнулась в себе.

– Я сделаю все, что смогу.

– Буду вам очень благодарна. Пошли, Пибоди.

Все трое пересекли сцену и прошли за кулисы. Там повсюду рыскали люди в полицейской форме, а штатские либо попрыгали за закрытыми дверями, либо испуганно, как овцы, сбились в маленькие кучки.

– Как ты полагаешь, каковы шансы на то, что пресса не пронюхает об убийстве до завтрашнего утра?

Пибоди сочувственно взглянула на Еву.

– Мне кажется, нулевые. Но, боюсь, и это чересчур оптимистичный прогноз.

– Да, похоже, ты права. Офицер! – окликнула она одного из полицейских. – Поставьте постовых у каждой двери, у каждого выхода.

– Уже сделано, лейтенант.

– Из здания не имеет права выйти никто, даже полицейский. И внутрь никого не впускать, особенно репортеров. Ясно?

– Так точно, лейтенант.

Коридор сузился. Ева с любопытством рассматривала таблички с именами на дверях. Найдя табличку с именем Айрин Мэнсфилд, она постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

Первым, кого она увидела, был Рорк, сидевший на небесно-голубой кушетке и державший за руку Айрин Мэнсфилд. Актриса еще не успела разгримироваться, но даже размазанный от слез грим не мог испортить ее неземную красоту.

Взгляд Айрин метнулся к Еве, и глаза ее наполнились ужасом.

– О боже! О господи! Меня арестуют?

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, мисс Мэнсфилд.

– Мне не разрешают переодеться! Говорят, что нельзя! Но на мне его кровь... – Она прижала дрожащие руки к груди; ее театральный костюм действительно был испачкан кровью. – Я этого не вынесу!

– Приношу извинения. Доктор Мира, не поможете ли вы мисс Мэнсфилд переодеться? А сержант возьмет костюм и упакует его.

– Разумеется.

– Рорк, выйди отсюда, пожалуйста. – Ева отступила к двери и распахнула ее.

– Не волнуйся, Айрин, лейтенант во всем разберется.

Ободряюще пожав актрисе руку, Рорк поднялся и пошел к выходу. Когда он поравнялся с Евой, она вполголоса сказала:

– Я просила тебя быть внимательным, а не любезничать с подозреваемой!
– Успокаивать женщину, которая находится в состоянии истерики, не значит любезничать. – Он тяжело вздохнул: – Мечтаю выпить большую порцию бренди.
– Отправляйся домой и осуществи свою мечту. Я не знаю, сколько еще здесь проторчу.
– Бренди я и здесь могу найти, – возразил Рорк. – Зачем мне для этого ехать домой?
– Здесь тебе тоже нечего делать, – отрезала Ева. – Так что поезжай домой.

Ответ Рорка прозвучал мягко, как ворчание пантеры:

– Поскольку я не являюсь одним из твоих подозреваемых, а этот театр принадлежит мне, я полагаю, что имею право находиться там, где мне угодно, и делать, что я хочу.

С этими словами он потрепал жену по щеке и вышел.

– Ты всегда находишься там, где тебе угодно, и делаешь, что хочешь, – сердито пробормотала Ева и закрыла дверь.

Оглядевшись, она решила, что слово «гримерка» как-то не подходит к такому просторному и роскошному помещению. На длинном узком столе кремового цвета высился целый лес бутылочек, флаконов, баночек и фиалов, причем расставлены они были в образцовом порядке. На стене над столом висело тройное зеркало, обрамленное маленькими белыми лампочками. Кроме того, в гримуборной была кушетка, несколько мягких стульев, маленький холодильник и телефон. В открытом стенном шкафу висели халат, несколько театральных костюмов и повседневная одежда актрисы, причем все это находилось в таком же образцовом порядке, как и баночки на гримировальном столе. И повсюду стояли букеты цветов. Их благоухание навеяло Еве мысль о свадьбе. Или о похоронах.

Айрин дрожала всем телом.

– Спасибо вам. Большое спасибо, – пролепетала она, когда Мира помогала ей надеть длинный белый халат. – Я не знаю, долго ли еще я смогла бы выдержать... Могу я снять грим? – Она положила руки на горло, словно что-то мешало ей дышать. – Мне хочется снова стать собой!

– Не возражаю. – Ева устроилась на одном из стульев. – Что ж, приступим. Наш разговор будет записываться на пленку. Вы меня понимаете?

– Я вообще ничего не понимаю. – С тяжелым вздохом Айрин опустилась на мягкую банкетку, стоявшую у гримировального стола. – У меня в голове какой-то сумбур. Такое впечатление, будто мне снится страшный сон, очень хочется проснуться, но не получается.

– Это вполне нормальная реакция человеческой психики, – заверила ее Мира. – В таких ситуациях очень полезно поговорить о событии, которое послужило причиной шока. Нужно обсудить все до мельчайших деталей и таким образом выпустить свой рассудок из замкнутого круга, в котором он оказался.

– Да, наверное, вы правы. – Актриса посмотрела в зеркало на отражение Евы. – Вы должны задать мне какие-то вопросы, и наша беседа будет записываться? Я поняла. Начинайте.

– Включай диктофон, Пибоди. Лейтенант Ева Даллас беседует с Айрин Мэнсфилд в гримерной комнате ведущей актрисы театра «Новый Глобус». Присутствуют также офицер Делия Пибоди и доктор Шарлотта Мира.

Актриса начала снимать грим, а Ева, соблюдая правила ведения допроса, спросила:

– Вы понимаете свои права и обязанности, мисс Мэнсфилд?

– Да-да... Господи, какой кошмар! – Она закрыла глаза и помотала головой, пытаясь сосредоточиться. – Скажите мне, Ричард мертв? Он действительно умер?

– Да.

– Я убила его. Я его зарезала! – Плечи Айрин передернуло дрожью. Она открыла глаза, и их с Евой взгляды встретились в зеркале. – Мы репетировали эту сцену не меньше десятка раз – в мельчайших деталях, чтобы все выглядело убедительно. И вот... все действительно

получилось... взаправду. Но что произошло? Почему лезвие не убралось? – В глазах Айрин блеснул гнев. – Как это могло случиться?!

– Вот и давайте попробуем разобраться. Пройдемся по всей сцене. Итак, вы – Кристина. Вы защищали его, вы лгали ради него. Ради него вы уничтожили саму себя. И вот после всего этого он выбрасывает вас на помойку и фланирует перед вами с другой, более молодой женщиной.

– Я любила его, я была им одержима. Он был для меня всем сразу – любовником, мужем, ребенком... – Она передернула плечами. – Кристина знала, что представляет собой Леонард Воул, знала, что он сделал. Но все это для нее ничего не значило. Любовь ее была такой всепоглощающей, что ради этого человека она была готова погибнуть.

Айрин, казалось, немного успокоилась. Выбросив использованные салфетки в мусорное ведро, она повернулась к Еве. Глаза у нее покраснели, лицо было белым как мрамор, и, даже несмотря на это, оно сияло неземной красотой.

– В эти минуты Кристину понимает каждая женщина, сидящая в зале, – продолжала Айрин. – Если какой-то из них не посчастливилось испытать подобную любовь, она начинает мечтать об этом. И вот когда, принеся такую жертву, погубив себя ради этого человека, Кристина видит, что он предал ее, она хватается за нож. – Айрин воздела руку, словно сжимающая рукоять ножа. – Кристина – человек действия. Она не может оставаться пассивной. Это мгновенный порыв, импульс, но он продиктован очень глубокими переживаниями. И, обнимая своего неверного возлюбленного, она всаживает в него нож.

Рука Айрин разжалась. Она посмотрела на свою руку и снова задрожала.

– Боже! Боже!

Словно в забытьи, она рванула на себя выдвижной ящик стола. В следующую секунду Ева оказалась рядом и перехватила ее руку.

– Я... я только хотела... сигарету, – пролепетала актриса. – Я знаю, в этом здании не разрешается курить, но... мне нужна сигарета. – Она раздраженно избавилась от цепкой хватки Евы. – Я хочу курить, черт побери!

Взглянув в выдвинутый ящик, Ева увидела початую пачку с «косяками».

– Не забывайте, что мы – из полиции. У вас могут быть неприятности.

И тем не менее она отступила: было бы глупо преследовать человека, только что совершившего убийство, за то, что он хочет покурить травку.

– Извините, – потупилась Айрин, – нервы... – Она взяла предложенную Мирой зажигалку, прикурила и с явным облегчением выдохнула душистый дым. – Спасибо. Теперь гораздо легче. Не сердитесь на меня. Обычно я не такая... слабая. Это качество в театре не поощряется. Здесь нужно быть сильным.

– Не стоит извиняться, – тихим, спокойным голосом проговорила Мира. – Учитывая обстоятельства, вы держитесь прекрасно. И эта беседа с лейтенантом Даллас обязательно поможет вам. Продолжайте, пожалуйста.

– Но я не знаю, что говорить! – Айрин смотрела на Миру, и в глазах ее светилось доверие. – Произошло нечто ужасное, а как и почему это случилось, я не знаю.

– Когда вы взяли нож, вы не заметили ничего необычного? – спросила Ева.

– Необычного? – Айрин растерянно моргнула. – Нет... Нож лежал там, где ему и положено, рукояткой ко мне. Я должна была повыше поднять его, чтобы зрители увидели лезвие. Свет установлен так, чтобы клинок ярко блеснул в лучах юпитеров. Затем я должна была подойти к Ричарду, левой рукой взять его за правое плечо, словно хочу обнять, и... – Айрин сделала еще одну глубокую затяжку. – И... удар. После этого лезвие убирается в рукоятку, выпуская из нее кровь – бутафорскую, разумеется. Обнявшись, мы застываем буквально на несколько секунд, а остальные персонажи бегут к нам, чтобы оттащить меня от него. Вот и все.

– Какие отношения связывали вас с Ричардом Драко?

– Что? – Айрин недоуменно уставилась на Еву.

– В каких отношениях вы были с Драко? Расскажите как можно более подробно.

– С Ричардом? – Айрин сжала губы и положила руку на горло, словно пытаясь помочь застрявшим в нем словам. – Мы были знакомы несколько лет. И еще раньше работали вместе... Главным образом в Лондоне.

– Я спрашиваю о ваших личных отношениях.

Айрин колебалась. Всего долю секунды, но вполне достаточно, чтобы Ева это заметила.

– Отношения между нами были вполне дружескими. Как я уже сказала, мы были знакомы не один год. Когда мы с Ричардом работали над одной из постановок, английские газеты начали трубить о том, что у нас роман. Мы не пытались развеять этот миф, поскольку он для нас являлся своего рода рекламой; публика так и валила на наш спектакль. Я тогда была замужем, но обывателей это не шокировало, поскольку придавало еще больше пикантности ситуации. Я помню, нас с Ричардом это страшно веселило.

– Но на самом деле это не соответствовало действительности?

– Я была замужем, лейтенант. И у меня хватало ума, чтобы понять: Ричард – не тот человек, ради которого стоит жертвовать счастливым браком.

– Почему? Что вы хотите этим сказать?

– Он – талантливый актер. Точнее, был... – поправились Айрин, сделав последнюю затяжку. – Но при этом он был далеко не самым лучшим из людей. Я понимаю, это звучит ужасно, дико... Но я хочу быть искренней до конца. Ричард был очень дурным человеком. Только не подумайте, будто я хотела его смерти.

– Я ничего такого и не думаю. Я только хочу, чтобы вы как можно подробнее рассказали мне о Ричарде Драко.

– Хорошо. Хорошо... – Актриса глубоко вздохнула и раздавила в пепельнице окурок, словно это была ядовитая гусеница. – Все равно вам расскажут об этом другие. Ричард был самовлюбленным эгоцентристом, как и многие в нашем артистическом мире. Но меня это не остановило, и, когда представилась возможность поработать с ним, я не колебалась ни секунды.

– А известно ли вам о каких-нибудь других людях, которые тоже считали Ричарда не самым лучшим из людей и были бы рады, чтобы из его груди вытекла не бутафорская, а настоящая кровь?

– Я уверена, что Ричарда недолюбливали очень многие из тех, с кем он сталкивался на своем жизненном пути. – Айрин прижала пальцы к вискам, словно у нее вдруг разболелась голова. – Наверняка были и поруганные чувства, и обиды, и сплетни, и дразги. Ведь это – театр...

* * *

«Ну и паршивое же это занятие – быть актером!» – думала Ева. Люди плачут фальшивыми слезами, произносят пустопорожние, бессвязные монологи, которых постыдился бы самый распоследний краснобай-адвокат. Пыжась изо всех сил, они разглагольствуют о прекрасном, мечтая при этом, чтобы подох конкурент – ведь тогда можно будет занять его место и подняться еще на одну ступеньку лестницы, которая ведет к славе.

– Что за дерьмовое местечко! У меня просто мурашки по коже бегут. А у тебя нет, Пибоди?

– Даже не знаю. – Пибоди бродила за кулисами, пожирая горящими глазами все, что ее окружало. – Может, многие актеры и готовы сожрать друг друга, но все равно здесь классно!

Все эти юпитеры, занавес... Попробуйте представить, как вы выходите на эту сцену, раскрывается занавес, и вы – в свете софитов, а перед вами – огромный зал, заполненный людьми. И все смотрят на вас!

– Фу, кошмар! Кстати, вернись с небес на землю. Нам нужно отпустить свидетелей, пока они не начали ныть о правах человека.

– Ненавижу свидетелей!

Ева фыркнула и открыла свой блокнот.

– Итак, что мы имеем? Очень любопытный портрет жертвы. Никто не хочет говорить о нем плохо, но ясно, что его все не любили. Люди выдавливают из себя фальшивые слезы, но все равно становится понятно, что они считают его полным дерьмом. Значит, так: я еще осмотрюсь здесь, а ты отправляйся в фойе и распусти свидетелей. Проконтролируй, чтобы все они были переписаны: имя, фамилия, адрес, теелефон. Предупреди каждого, что в назначенное время он обязан явиться к нам и дать показания. Начнем допросы завтра.

– В управлении?

– Это мы решим, когда ты с этим разделаешься, – свободна. Встретимся утром в управлении.

– А вы домой не собираетесь?

– Собираюсь. Когда-нибудь...

– Хотите, я вас подожду?

– Нет смысла. Лучше завтра возьмемся за дело с новыми силами. Поэтому сейчас займись зрителями, а я хочу еще с кем-нибудь побеседовать. Желательно опросить как можно больше свидетелей – и как можно скорее.

– Есть, босс. Классное у вас платье! – добавила Пибоди, убирая блокнот, в который записывала указания начальницы. – Наверное, намучаешься, когда нужно его снять?

Ева оглядела свое платье, снабженное бесчисленным количеством застёжек.

– Ненавижу его! Как раз сейчас, когда самая работа, я – в этом дерьме!

Развернувшись на каблуках, она двинулась к задней кулисе, где стоял запертый шкаф с реквизитом.

– Ключ! – протянув руку, сказала она, обращаясь к широкоплечему верзиле-полицейскому, которого приставили для охраны объекта. Полицейский дал ей ключ, упакованный в целлофановый пакет для улики. – Сюда кто-нибудь пытался залезть?

– Приходил начальник реквизиторского цеха. Старый гриб, совсем древний... Но когда я предложил ему отвалить, возражать не стал. Все было мирно.

– Хорошо. Пойдите и скажите уборщикам, чтобы через десять минут их здесь не было.

– Есть, шеф!

Оставшись одна, Ева открыла шкаф. Здесь хранился реквизит, который актеры использовали по ходу пьесы. Взгляд Евы упал на полку, помеченную надписью: «Сэр Уилфред». Там лежала коробка сигар, древний телефон и прочая рухлядь. Каждая полка была разбита на отделения, которые соответствовали разным актам пьесы. Все отделения, в которых находился реквизит для первого действия, были пусты. Судя по всему, главный реквизитор был очень дотошным человеком и убирал реквизит сразу после того, как он был использован на сцене. Такой человек вряд ли мог бы перепутать бутафорский нож с настоящим...

– Лейтенант Даллас?

Обернувшись, Ева увидела ту самую брюнетку, которая шествовала под руку с Леонардом Воулом в последней сцене, за секунду до убийства. Сейчас она направлялась к ней через темное пространство сцены. Актриса уже успела сменить сценический костюм на свободные брюки и просторную рубаху. Если раньше ее волосы были собраны в высокую причёску, то сейчас они свободно лежали на плечах.

– Надеюсь, я не отвлекаю вас от работы? – В голосе женщины слышался легкий южный акцент, а на ее губах играла едва уловимая улыбка. – Я хотела бы поговорить с вами. Кстати, ваша помощница сказала мне, что я могу идти домой.

– Верно, мисс... – Ева напрягла память, пытаясь вспомнить, как ее зовут, но за это время ей назвали имена слишком многих людей.

– Карли Лэндсдоун. А в этой трагической пьесе – Диана. – Она скосила глаза на открытый шкаф. – Надеюсь, вы не думаете, что Пит имеет какое-то отношение к тому, что произошло с Ричардом? Старина Пит мухи не обидит, даже если она залетит ему в ухо!

– Пит – это начальник реквизита?

– Да. Он и сам безобиден, как муха. Но, думаю, он тоже был готов убить Ричарда.

– А кто еще?

– Все!

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать только одно: все, кто знал Ричарда, хотели его убить.

– Включая вас?

– Конечно! – На лице Карли блистала улыбка примадонны. – На сцене он вел себя хуже свиньи: тянул одеяло на себя, «подставлял ножки», похабничал, выпендривался... Да и вне сцены он вел себя как последняя сволочь. Весь мир должен был вращаться только вокруг него, вокруг его маленького мерзкого «эго»!

Карли поежилась и продолжала:

– Вы наверняка услышите это от кого-то еще, поэтому лучше я скажу вам сама: в течение некоторого времени мы с ним были любовниками. Расставание произошло пару недель назад, причем выглядело довольно мерзко. Ричард обожал устраивать гадкие сцены, а тут особенно постарался. Причем во время генеральной репетиции!

– Значит, инициатива прекратить ваши отношения исходила от него?

– Совершенно верно. – Карли проговорила это ровным голосом, но по тому, как блеснули ее зеленые глаза, нетрудно было догадаться, что негодование и обида все еще кипят в ее душе. – Сначала он по своей прихоти соблазнил меня, а добившись своей цели, захотел унижить в присутствии всей труппы и технического персонала. А ведь это мой дебют на Бродвее!

Губы Карли искривились в горькой улыбке, которая напоминала острый осколок стекла.

– Я была наивна, лейтенант, но зато быстро повзрослела. Не могу сказать, что я жалею о смерти Драко. Скажу другое: он был недостоин даже того, чтобы его убили.

– Вы любили его?

– Работа не оставляет мне ни времени, ни сил для любви, но... я была ослеплена. Примерно так, как моя героиня была ослеплена Леонардом Воулом. Сомневаюсь, чтобы во всей нашей труппе нашелся хотя бы один человек, который испытывал бы симпатию к Ричарду.

– Понятно... – задумчиво протянула Ева. – Вы сказали, что он унижил вас. Как именно это произошло?

– Когда мы репетировали последнюю сцену, которая происходит в зале суда, он вдруг разбушевался и устроил настоящий скандал. Сказал, что я бездарная актриса. – Губы Карли сжались, глаза сузились. – В присутствии всех он орал, что на сцене я так же бесстрашна и холодна, как и в постели. Он назвал меня деревенщиной, которая, не имея таланта, пытается приобрести известность за счет смазливой физиономии и пышной груди.

Неторопливым жестом, который никак не вязался с яростным блеском в ее глазах, Карли откинула назад волосы.

– Он сказал, что я ему осточертела. Дескать, развлекайся – и хватит. И если я не способна ни на что большее, он сделает все, чтобы у меня забрали эту роль и отдали тому, кто ее заслуживает.

– Для вас это оказалось полнейшей неожиданностью?

– Он – змея, а змеи всегда наносят удар быстро и неожиданно, поскольку они трусливы. Я попыталась огрызнуться, но у меня это получилось не слишком хорошо. Я была не подготовлена, ошеломлена... Ричард гордо ушел и заперся в своей гримерной, ассистент режиссера побежал умастить его, а мы еще раз прошли эту сцену с дублером Ричарда.

– Кто его дублер?

– Майкл Проктор. Он, кстати, замечательный актер.

– Если после всего случившегося спектакль не будет снят, он заменит Драко?

– Это вопрос не ко мне, а к продюсерам. Но если назначат Майкла, меня это не удивит.

– Я благодарю вас за информацию, мисс Лэндсдоун.

Еву всегда настораживало, когда кто-то делал такие обильные признания, да еще по собственной воле.

Карли передернула плечами.

– Мне нечего скрывать. – Взгляд ее зеленых глаз был устремлен на Еву. – А если бы и захотела, вы сами до всего докопались бы. На протяжении последних месяцев мне не раз приходилось слышать о жене Рорка – знаменитом нью-йоркском детективе. Вам не кажется, что это наглость – выбрать для убийства именно тот вечер, когда в числе зрителей будете наверняка находиться вы?

– Отнять у человека жизнь само по себе требует большой наглости. Мы с вами еще увидимся, мисс Лэндсдоун.

– Не сомневаюсь.

Когда Карли уже дошла до самых кулис, Ева вдруг окликнула ее:

– Минуточку!

Актриса обернулась.

– Да?

– Вам, судя по всему, и Айрин Мэнсфилд не очень по душе?

– Я не испытываю по отношению к ней никаких эмоций – ни положительных, ни отрицательных. А почему вы спрашиваете?

– Когда она упала в обморок, я не заметила, чтобы вы проявили к ней особое сочувствие.

Карли широко улыбнулась:

– Мастерский обморок, не правда ли? Никогда не доверяйте актрисам, лейтенант Даллас.

И, откинув назад волосы, она удалилась.

– Так кто же из вас играет?.. – пробормотала Ева.

– Лейтенант! – К ней подошла одна из уборщиц – молодая розовощекая женщина. Ее мешковатый рабочий комбинезон громко шуршал при каждом шаге. – Моя фамилия Ломбовски. Я тут нашла одну штуковину. Вам наверняка следует на нее посмотреть.

– Так-так... – Ева взяла из рук женщины полиэтиленовый пакет и, сложив губы трубочкой, стала рассматривать лежавший внутри нож. Прикоснувшись пальцем к кончику лезвия, она почувствовала, как оно убирается внутрь рукоятки. – Где же вы это нашли, мисс Ломбовски?

– В гримерной Айрин Мэнсфилд. Я прибиралась там, подвинула вазу с красными розами, а в ней вдруг что-то звякнуло.

– Отлично! Вы просто молодец!

– Спасибо, лейтенант.

– А не знаете ли вы, где сейчас мисс Мэнсфилд?

– Она в комнате, где обычно собирается труппа.

– Там есть еще кто-нибудь или она одна?

– Нет, мэм, она не одна. С ней... ваш муж.

Ева долго смотрела на пакет с ножом, потом подняла глаза на уборщицу.

– Что ж, продолжайте заниматься вашей работой, Ломбовски.

Ева вышла в коридор и тут же наткнулась на Пибоди.

– Хорошо, что ты еще не ушла. На сегодня планы меняются. – Ева показала помощнице бутафорский нож. – Уборщица нашла это в гримерной Мэнсфилд. Он был спрятан в вазе с цветами.

– Вы намерены арестовать ее?

– Нет смысла: адвокаты отберут ее у меня раньше, чем мы с ней успеем войти в Центральное управление. Интересная складывается ситуация, не правда ли, Пибоди? Она убивает Драко на глазах у заполненного до отказа зала, а затем прячет бутафорский нож в собственной гримерке. Либо чертовски глупо, либо дьявольски умно! – Ева повертела пластиковый пакет в руках. – Давай-ка послушаем, что расскажет нам об этом она сама. Где находится комната для сбора труппы?

– Этажом ниже. Мы можем спуститься по лестнице.

– Скажи, Пибоди, ты что-нибудь знаешь об артистической жизни? – по дороге спросила Ева.

– Конечно, босс, у меня чуть ли не вся семья имеет отношение к искусству. Моя мама играла в любительском театре, когда была беременна мной. Два моих кузена тоже актеры – правда, не на главных ролях, но иногда даже снимаются в кино. А моя прапрабабушка...

– Хватит, хватит! – торопливо прервала ее Ева. – Удивляюсь, как ты не устаешь от общения с таким огромным количеством людей!

– Я люблю людей, – жизнерадостно ответила Пибоди.

– За что, интересно?

Поскольку риторические вопросы не требуют ответов, Пибоди промолчала. Они дошли до самого низа лестницы, и Пибоди уверенно повернула налево. Затем, продолжая тему, она сказала:

– Вы тоже их любите, лейтенант. Вы только прикидываетесь брюзгой.

– Я и есть брюзга. Вот что, если Мэнсфилд отобьется от меня с помощью своих адвокатов, я хочу, чтобы ты прилипла к ней, как пластырь. Если она поедет домой и останется там, вызови двоих патрульных, чтобы они глаз не сводили с ее жилища. У нас достаточно оснований для того, чтобы установить за ней круглосуточное наружное наблюдение. Я хочу знать все: где она бывает, что делает.

– Хотите, я выясню всю ее подноготную с первого дня жизни?

– Нет, этим я займусь сама.

Ева потянула на себя дверь, за которой находилась комната для сбора труппы. Здесь проходили совещания, читки и другие мероприятия, которые требовали участия всей труппы. Как и все, к чему прикасалась рука Рорка, это помещение блистало роскошью. Очевидно, Рорк считал, что талант заслуживает комфорта, и не поскупился на расходы. Бархатные диваны, элегантные журнальные столики, бар с изысканными напитками, холодильник и компьютер.

Рорк сидел, очень уютно, как показалось Еве, устроившись возле Айрин на мягком диване. Взгляд его синих глаз обратился на жену и задержался на ее лице. Это напомнило Еве тот день, когда они с Рорком впервые посмотрели друг другу в лицо. Но тогда он не выступал в качестве няньки при человеке, подозреваемом в убийстве. Тогда он был один.

Рорк поднялся с дивана, на его губах появилась сдержанная улыбка.

– Привет, Пибоди, – проговорил он, не отрывая взгляда от Евы.

– У меня к вам появилось еще несколько вопросов, мисс Мэнсфилд, – не взглянув на Рорка, сказала Ева.

Айрин растерянно посмотрела на Еву, руки ее задрожали.

– Но я думала, что на сегодня мы закончили со всеми вопросами. Рорк уже вызвал машину, чтобы меня отвезли домой...

– Машина вас подождет. Включи диктофон, Пибоди. Желаете ли вы, чтобы я напомнила вам о ваших правах и обязанностях, как того требует закон, мисс Мэнсфилд?

– Я... – Дрожащая рука снова легла на горло. – Нет. Просто я не знаю, что еще вы хотите от меня услышать.

Ева вынула из сумки бутафорский нож в целлофановом пакете и положила его на журнальный столик перед Айрин Мэнсфилд.

– Вы узнаете этот предмет?

– Это похоже на... – Актриса отняла руку от горла, протянула ее к пакету, но затем резко отдернула. – Это бутафорский нож. Тот самый, которым я должна была... О боже! Где вы нашли его?

– Среди красных роз, что стояли в вашей гримборной.

– Нет! Нет... – Айрин очень медленно помотала головой и обхватила себя руками, впившись ногтями в плечи. – Это невозможно...

«Если это актерская игра, – подумала Ева, – то игра чертовски хорошая». В лице Айрин не осталось ни кровинки, пальцы и губы дрожали.

– Это не только возможно, это факт. Итак, как он туда попал?

– Я не знаю. Говорю же вам, не знаю! – Охваченная внезапным приступом энергии, Айрин резко вскочила на ноги. Глаза ее загорелись гневом. – Кто-то подбросил его мне! Тот самый человек, который подменил нож! Они хотят, чтобы меня обвинили в смерти Ричарда, хотят причинить мне страдания! Неужели не достаточно... Господи, неужели не достаточно того, что он погиб от моей руки?!

Жестом леди Макбет она вытянула вперед руку, словно пытаясь увидеть на ней следы крови.

– Кому это понадобилось? – Голос Евы был спокойным и холодным. – Почему бы просто не выбросить бутафорский нож куда-нибудь подальше? Зачем было прятать его у вас в гримерной?

– Я не представляю, кто... кто может меня до такой степени ненавидеть. И Ричарда – тоже. – Айрин повернулась к Рорку. Крупные слезы, которые до этого копились и поблескивали в ее глазах, теперь очень эффектно скатились по щекам. – Рорк, ты же знаешь меня! Ну помоги мне, пожалуйста! Скажи им, что я не могла совершить этого ужасного поступка!

Айрин, плача, припала к его груди; теперь Рорк смотрел на жену поверх ее головы.

– Кто бы ни совершил это преступление, Ева его найдет. Можешь быть в этом уверена. Правда, лейтенант?

Ева саркастически изогнула бровь.

– А ты что, нанялся в адвокаты мисс Мэнсфилд? – фыркнула она. – Кто, помимо вас, имеет доступ в вашу гримерную?

– Я не знаю... Да кто угодно: технический персонал, актеры. Я никогда не запираю гримерку, это неудобно.

Голова актрисы по-прежнему покоилась на груди Рорка. Она несколько раз судорожно вздохнула.

– Кто прислал вам красные розы? И кто принес их к вам в комнату?

– Не знаю! Мне прислали так много цветов... А визитные карточки принимала моя гримерша. Приходил курьер с какими-то подарками. Люди так и сновали, пока до начала

спектакля не осталось всего полчаса. Только после этого я всех разогнала, чтобы подготовиться к выходу на сцену.

– В течение спектакля вы были в своей гримерной еще несколько раз: после вашей первой сцены, затем – чтобы сменить костюм, правильно?

– Верно. – Немного успокоившись, Айрин Мэнсфилд наконец оторвалась от Рорка и посмотрела на Еву. – И каждый раз со мной находилась моя костюмерша. Вообще-то по ходу спектакля я должна менять костюмы пять раз.

Ева вытащила из сумочки блокнот.

– Как зовут вашу костюмершу?

– Триша. Триша Битс. Она подтвердит вам, что я не прятала у себя нож. Она вам скажет. Спросите у нее!

– Непременно. Моя помощница проводит вас домой.

– Значит, я могу идти?

– Пока – да. Мы с вами еще увидимся. Выключай диктофон, Пибоди, и проводи мисс Мэнсфилд домой.

– Есть, шеф.

Айрин взяла со спинки дивана мантию и подала его Рорку. Даже Ева оценила царственность этого жеста: лишь женщина до мозга костей всегда уверена, что мужчина непременно окажется в нужный момент рядом, чтобы укутать ее плечи мехом.

– Я хочу, чтобы вы изловили того, кто это сделал, лейтенант Даллас. Очень хочу! Но даже после того, как он будет наказан, я все равно не сумею забыть, что роковой удар был нанесен именно моей рукой. Я буду помнить это до конца своих дней! – Актриса повернулась и кончиками пальцев прикоснулась к руке Рорка. – Благодарю, Рорк. Если бы не ты, я не смогла бы все это пережить.

– Тебе надо отдохнуть, Айрин.

– Надеюсь, мне это удастся.

Низко склонив голову, она направилась к выходу, а следом за ней деловито потопала Пибоди.

Ева, нахмурившись, взяла с журнального столика пакет с ножом и убрала его в сумку.

– Вот она вряд ли стала бы отрицать тот факт, что спала с тобой.

– Ты так думаешь?

Легкое удивление, прозвучавшее в голосе Рорка, обозлило Еву еще больше.

– Да и ты, по-моему, не прочь повторить...

– Все мужчины – сволочи? – Он подошел к жене и погладил ее по щеке. – Ревнуешь, дорогая Ева?

– Если бы я ревновала ко всем бабам, с которыми ты спал, и тем более к тем, которые хотели бы переспать с тобой, я давно сидела бы в психушке. Убери руки! – Она резко мотнула головой и отвернулась.

– Еще чего! – Рорк взял ее за плечи и притянул к себе. Его глаза смеялись, и еще – черт бы побрал этого Рорка! – в них таилась такая нежность, перед которой Ева была не в силах устоять. – Я люблю тебя, милая.

– Охотно верю...

Рорк засмеялся, нагнулся и поцеловал ее.

– Ты романтическая дурочка.

– А знаешь, в чем заключается твоя проблема, мерзавец?

– Расскажи, пожалуйста.

– Ты – ходячий оргазм!

Ева с удовольствием смотрела, как округлились его глаза.

– Вот уж не ожидал от тебя такой грубой лести!

– Это не лесть, а оскорбление. Короче, мне осталось только поговорить с костюмершей Мэнсфилд – и на сегодня все. По пути домой залезу в компьютер и поищу информацию на твою примадонну.

Рорк взял свое пальто и плащ Евы.

– Боюсь, по пути домой ты будешь слишком занята другим делом.

– Чем же, интересно, я буду занята?

Рорк хотел помочь Еве надеть плащ, но она выхватила его и оделась сама. Рорк, наклонившись к ее уху, почти беззвучно сообщил ей о своих планах относительно обратной дороги домой. Ева закатила глаза.

– Не будешь же ты этим заниматься на заднем сиденье лимузина?!

– Пospорим?

– Ставлю двадцать долларов!

Рорк взял жену под руку и повел к выходу.

– Принято.

В итоге Ева проиграла, но не пожалела об этом.

* * *

«Если этому быть суждено, нужно сделать все быстро и чисто...»

Что ж, это сделано. Сделано быстро и чисто. И вот теперь, сидя в одиночестве, я цитирую шотландскую пьесу. Кто я? Убийца? Или палач, каким является Кристина Воул в нашей гениальной пьесе?

Наверное, глупо с моей стороны записывать на пленку собственные мысли. Но они столь необъятны, столь ярки и так громко звучат в моем мозгу, что я удивляюсь, как их не слышат окружающие. Возможно, то, что сейчас я произношу эти мысли вслух, позволит мне избавиться от них. Они должны умолкнуть, их нужно похоронить как можно глубже. Наступило опасное время, и мне необходимо обуздать свои нервы.

Перед тем как осуществить свой замысел, мной взвешены все «за» и «против». Но разве тогда можно было вообразить, каково это будет – видеть его мертвым, в луже крови посередине сцены! Как неподвижно он лежал в слепящем свете софитов...

Лучше не думать об этом! Сейчас нужно думать о себе и соблюдать спокойствие. До сих пор не было допущено ни одной ошибки, не должно их быть и впредь. А свои мысли нужно спрятать очень глубоко и не выпускать их из-под контроля. Хотя они стремятся с ликованием вырваться наружу.

Ричард Драко мертв!

3

Если бы кто-то назвал рухлядью ту технику, которой оснащено Центральное полицейское управление, это была бы бесстыдная лесть. Поэтому, желая сэкономить свои нервы и время, Ева решила работать дома. Рорк любил дорогие игрушки, и на фоне его компьютерной системы полицейские компьютеры выглядели пришельцами из каменного века.

Ожидая, пока умная машина выдаст все, что сумеет отыскать относительно жизни Айрин Мэнсфилд, Ева мерила шагами свой домашний кабинет. И вот наконец на экране монитора появилась первая порция данных:

«Айрин Мэнсфилд, настоящее имя Джейн Ступс, возраст – сорок лет, родилась в городе Уичита, штат Канзас. Родители – Аделаида Мюнх и Джозеф Ступс – в настоящее время в разводе. Имеет родного брата Дональда Ступса, на четыре года моложе сестры».

Затем шла информация о полученном Айрин образовании: в возрасте пятнадцати лет поступила в Нью-Йоркский институт драматических искусств. Впрочем, об этом Ева могла догадаться и без помощи компьютера.

– Значит, первым делом девочка поспешила смотаться из Канзаса, – пробормотала Ева. Она отнеслась к этому с пониманием. Действительно, что делать нормальному человеку в этом провинциальном штате, где нет ничего, кроме пшеницы и кукурузы!

Профессиональная карьера Айрин началась очень рано. Еще будучи подростком, она взошла на подиум в качестве манекенщицы. Окончив институт, сыграла несколько ролей на сцене, затем – в кино, потом снова вернулась в театр.

Обрабатывая данные, компьютер тихонько жужжал и похрюкивал.

– Бла-бла-бла... – передразнила Ева машину и ввела запрос на поиск информации о криминальном прошлом Айрин Мэнсфилд: нарушала ли она закон, подвергалась ли арестам?

Суперкомпьютер Рорка работал с невероятной быстротой. Вспомнив о груде старья, стоявшего в ее кабинете в управлении, Ева насмешливо фыркнула:

– Сегодня для того, чтобы работать на хорошей технике, нужно выйти замуж за миллиардера!

На экране монитора возникли строчки: «2002 год, Лос-Анджелес – незаконное хранение наркотических веществ».

– Вот это другое дело!

Ева села за компьютер и затребовала исчерпывающую информацию по этому поводу. Вскоре пришел ответ:

«В результате судебного разбирательства обвиняемой назначен испытательный срок и принудительное лечение от наркозависимости. Курс лечения проведен в реабилитационном центре Лос-Анджелеса «Кейт Ричард мемориал».

Спустя годы Нью-Йорк – повторное обвинение в хранении и употреблении наркотических средств. Опять направлена на принудительное лечение в клинику «Новая жизнь».

Иных правонарушений за объектом не значится».

Ева поинтересовалась, какие именно наркотики принимала Айрин Мэнсфилд. Оказалось, что смесь «экстази» и «зонера» в равных пропорциях.

– Да, таким коктейлем слона можно свалить, – задумчиво сказала Ева и ввела новый запрос относительно того, с кем Айрин Мэнсфилд когда-либо находилась в браке или сожительствовала.

Ответ снова пришел очень скоро:

«В июне 2010 года в Лос-Анджелесе выдано официальное свидетельство о браке Айрин Мэнсфилд и Бродерика Питерса. Брак расторгнут по обоюдному согласию в апреле 2011 года.

В сентябре 2015 года в Лондоне выдано официальное свидетельство о браке Айрин Мэнсфилд и Лоуренса Баристола. В январе 2019 года в суд подано заявление о разводе. В результате слушаний дела «Мэнсфилд против Баристола» заявление удовлетворено.

Детей ни в одном из браков нет».

– Хорошо. Теперь посмотрим, что объединяло нашу красавицу и покойника в профессиональном плане, – пробормотала Ева и ввела запрос: «Полный список совместных работ Айрин Мэнсфилд и Ричарда Драко».

Компьютер похрюкал еще с полминуты и затем выдал:

«Бродвейская постановка драмы «Сломанные крылья» (май – октябрь 2000 г.). Объект и Ричард Драко заняты на вторых ролях.

Малобюджетный кинофильм «Умри ради любви» (Лос-Анджелес, 2002 г.). В главных ролях – объект и Ричард Драко.

Кинофильм «Шах и мат» (Нью-Йорк, февраль 2006 г.).

Спектакль «Дважды приобретенный» театра «Лондон артс» (февраль – июнь 2016 г.). В главных ролях – объект и Ричард Драко».

– Любопытно у них по годам получается... – пробормотала Ева, протягивая руку, чтобы почесать за ухом мурлыкающего Галахада, который развалился на ее письменном столе прямо перед компьютером.

В этот момент открылась дверь, которая соединяла кабинеты Евы и Рорка, и на пороге возник Рорк.

– Ты не упоминал, что Айрин обладает кое-какими пристрастиями, которые караются по статье Уголовного кодекса.

– Точнее сказать, обладала. А это имеет какое-то отношение к делу?

– Все имеет отношение к делу, каждая деталь. Кстати, ты убежден, что ее увлечение наркотиками – в прошлом?

– Насколько мне известно, она не балуется этой дрянью уже больше десятка лет. – Рорк присел на краешек письменного стола, Галахад тут же вскочил и стал тереться о его бедро. – Разве вы не верите в то, что человек может исправиться, лейтенант?

– Если бы я в это не верила, то не вышла бы за тебя замуж. – Рорк усмехнулся, а Ева, склонив голову набок, добавила: – И почему ты ни словом не обмолвился о том, что Айрин долгое время и в разных постановках работала вместе с Драко?

– Потому что ты не спрашивала.

– Две их совместные работы по времени совпадают с периодами, когда она употребляла наркотики.

– Правда? Гм... – Рорк почесал Галахада между ушей, и кот еще громче замурлыкал от удовольствия.

– Насколько близки они были, Рорк?

– Возможно, у них был роман во время их совместной работы в Лондоне. По крайней мере, такие слухи ходили. Я познакомился с Айрин всего несколько лет назад, когда она была замужем и жила в Лондоне. И никогда не видел ее и Ричарда вместе – до тех пор, пока мы не взяли за эту постановку.

Рорк взял кружку Евы и допил остатки кофе.

– Как по-твоему, когда я буду изучать данные об убитом, могу я наткнуться на записи о правонарушениях?

– Не исключено. Но должен сказать, что даже если Айрин продолжала употреблять наркотики, она делала это скрытно, оставаясь настоящим профессионалом в работе: никаких

прогулов и опозданий на репетиции, никаких эмоциональных срывов. Относительно Драко я не могу употребить слово «скрытно» в том же контексте: я о нем почти ничего не знаю. Но и он прекрасно делал свою работу. А если между ними существовали романтические или сексуальные отношения, то в это никто не был посвящен.

– Невозможно быть скрытным на все сто процентов. Если они трахались, хоть кто-то, но должен был знать об этом, а если принимали наркотики – тем более.

– Хочешь, чтобы я это выяснил?

Ева встала со стула, наклонилась к Рорку и потерлась носом о его нос.

– Нет. А если ты не понял, повторю еще раз по буквам: Н-Е-Т. Уразумел?

– Полагаю, что да. Через несколько часов у меня встреча в Сан-Франциско. В случае чего Соммерсет знает, как меня найти.

При упоминании своего заклятого врага – дворецкого, служившего у Рорка уже много лет, – Ева сразу же ошетибилась, как дикобраз.

– Обойдусь как-нибудь без этого старого осла!

– Думаю, что вернусь к девяти. – Рорк встал, положил руки на талию Евы и провел ими вниз, до бедер. – Если буду задерживаться, я тебе позвоню.

Ева поняла: он не хочет оставлять жену один на один с ночными кошмарами, которые преследовали ее на протяжении многих лет.

– Не волнуйся за меня.

– А мне это нравится.

Рорк наклонился, чтобы запечатлеть на щеке жены легкий поцелуй, но она вдруг с силой притянула его к себе и жадно впиалась губами в его рот, обняв обеими руками за шею. Отпустив Рорка через добрый десяток секунд, Ева с удовольствием отметила, что его глаза потемнели, а дыхание участилось.

– Что это на тебя нашло? – спросил он.

– А мне это нравится! – повторила Ева сказанную им фразу. – Ну ладно, до встречи, – улыбнулась она и, взяв со стола пустую кружку, пошла на кухню, чтобы налить себе еще кофе.

* * *

Начиная с полуночи, автоответчики домашнего, рабочего и автомобильного телефонов Евы зафиксировали двадцать три звонка от репортеров, жаждущих заполучить любую информацию о трагедии, произошедшей в театре. Одни умоляли, другие пытались очаровать, третьи угрожали, четвертые были не прочь подкупить. Шесть посланий были от одной только Надин Ферст, корреспондента телевизионного «Канала-75», и накал их возрастал от звонка к звонку.

В какой-то степени их с Надин можно было назвать подругами, чему сама Ева не переставала удивляться, но для обеих на первом месте стояла работа. Надин наверняка хотела получить эксклюзивное интервью от Евы, ведущей дело об убийстве Ричарда Драко. Ну а Ева хотела найти убийцу.

Ева стерла из памяти автоответчиков все послания от журналистов, после чего осталось только одно сообщение – от ее непосредственного начальника. Оно было простым и лаконичным: шеф требовал, чтобы она немедленно прибыла в его кабинет. Часы показывали восемь утра.

Майор Уитни не заставил Еву ждать. Секретарша жестом указала ей на дверь в кабинет, и Ева вошла. Уитни сидел за письменным столом и разговаривал по телефону. Увидев входящую в кабинет Еву, он указал ей на стул, стоявший по другую сторону стола. Широкое темное лицо босса не выдавало никаких эмоций, голос его был глухим и ровным.

– Мы организуем пресс-конференцию для журналистов в два часа, – терпеливо говорил он в трубку. – Нет, сэр, раньше никак не получится. Разумеется, я знаю, что Ричард Драко был звездой и пресса желает знать все до единой детали, связанное с преступлением. Они получают все, что мы сочтем возможным, ровно в два. Да, сэр, ее отчет уже у меня на столе. – Сказав это, Уитни приподнял бровь и вопросительно посмотрел на Еву. Она встала и протянула ему пачку листов с распечатанным на компьютере отчетом.

– Я свяжусь с вами сразу же, как только проанализирую обстановку. – На лице Уитни отразилось уже не сдерживаемое раздражение. – Послушайте, сэр, пусть даже Драко был гением из гениев, но он мертв. И мы должны приложить все усилия, чтобы это убийство было расследовано с максимальной быстротой. Да, правильно. В два часа.

На этом разговор закончился, и Уитни положил трубку.

– Ох уж эти политики! – буркнул он, откидываясь на спинку кресла и потирая шею. – Я прочитал предварительный отчет, который ты послала мне прошлой ночью. Да, та еще ситуация!

– Вот именно, сэр. Но она, возможно, немного прояснится после вскрытия, которое проводится как раз в эти минуты.

Губы майора искривились в некоем подобии улыбки.

– Послушай, Даллас, а ведь ты вроде никогда не была большой поклонницей театра. И что это тебя понесло на этот раз?

– Просто я подустала от «развлечений», которые преподносит нам улица.

– Вся жизнь – игра, весь мир – большая сцена... – пробормотал Уитни. – Тебе, я надеюсь, уже известно, что убитый был звездой первой величины? Его смерть на глазах у сотен людей, да еще в таком драматическом контексте, – новость номер один. Она уже облетела всю планету. Главные герои сегодня – Драко, Мэнсфилд, Рорк и ты.

– Рорк тут ни при чем, – ответила Ева, мысленно произнося самые изощренные ругательства.

– Он – владелец театра, он выбирал пьесу, и, насколько мне известно, именно он пригласил Драко и Мэнсфилд на главные роли в спектакле. Я ничего не перепутал, лейтенант?

– Все верно, сэр. Однако хочу обратить ваше внимание на другое. Если связывать с именем Рорка каждое преступление, которое совершается на принадлежащей ему территории, он должен был бы бросить все дела и круглые сутки общаться только с полицейскими и журналистами.

На сей раз Уитни широко улыбнулся.

– Ты права, об этом я как-то не подумал. – Улыбка исчезла с его лица. – Однако в данном случае ты и Рорк связаны с делом более тесно, чем обычно, поскольку являетесь, помимо всего прочего, еще и свидетелями убийства. Я лично рассматриваю этот факт в качестве нашего преимущества. Вы находились на месте преступления в тот момент, когда оно произошло, поэтому у нас появилась возможность пойти по следам, когда они еще не успели остыть. А вот настоящую головную боль нам устроят журналисты.

– Если позволите заметить, сэр, они всегда являлись нашей головной болью.

– Ты успела просмотреть заголовки утренних газет?

Разумеется, Ева их просмотрела. Один из них гласил: «Драко отдал жизнь искусству». А в подзаголовке, набранном более мелким шрифтом, ехидно говорилось: «Чудовищное преступление! Вчера вечером на сцене на глазах у тысяч зрителей зарезан прославленный актер Ричард Драко. Убийство совершено на глазах у известного детектива Центрального управления полиции Нью-Йорка лейтенанта Евы Даллас».

– Хорошо хоть они упомянули о том, что я являюсь женой Рорка, только в третьем абзаце.

– Они не перестанут трепать ваши имена, ведь это делает историю еще более скандальной.

Ева пожала плечами:

– Мне и раньше доставалось от репортеров, майор.

– Да, я знаю. – Телефон на столе Уитни пронзительно заверещал, но хозяин кабинета не стал брать трубку, а просто отключил звонок. – Послушай, Даллас, это не рядовое убийство и даже не из ряда вон выходящее. Это, как говорят мои внуки, полный трындец! Ты должна очень тщательно подготовиться к пресс-конференции, которая состоится в два часа. Поверь мне, актеры, причастные к этому делу, изо всех сил будут играть перед телекамерами. Они просто не смогут иначе – у них это в крови. А журналисты еще больше подольют масла в огонь.

Уитни откинулся назад, барабанил пальцами по столу.

– Я понимаю, ты не хочешь привлекать к делу излишнее внимание, но по-другому не получится. Смотри на это как на часть своей работы – неприятную, но неизбежную. Однако до пресс-конференции постарайся не раздавать интервью и не общаться с журналистами.

– Конечно, сэр. Мне самой это как кость в горле.

– Я хочу, чтобы расследование завершилось как можно скорее, и уже поторопил медиков со вскрытием. Лаборатория – тоже на низком старте. Надеюсь, и ты меня не подведешь. Айрин Мэнсфилд потребовала вызвать ее адвокатов?

– Пока нет.

– Интересно...

– Но скоро потребует. Вчера она была в шоке, но, когда у нее в голове немного прояснится, она тут же кинется к законникам. Костюмерша подтверждает, что неотлучно находилась с Айрин в ее гримборной каждый раз, когда та меняла сценические костюмы. Я, правда, не слишком полагаюсь на ее слова: эта женщина боготворит Мэнсфилд. А пока я собираю информацию на всех членов группы и технический персонал. Это дело не быстрое, поскольку народу очень много. Допросы начнутся сегодня.

– А что, придется опросить несколько сотен человек?

При мысли об этом у Евы заломило в висках.

– Боюсь, что так, сэр. Сами понимаете, вчера вечером мы не могли держать зрителей слишком долго. Мы лишь собрали персональные данные каждого: имя, фамилия, адрес. Кое-какие показания у нас, правда, уже есть, поскольку некоторые люди просто не в силах помолчать. Однако большинство этих показаний совершенно бесполезны.

– Распредели допросы свидетелей между сотрудниками, а я сниму с других участков еще несколько детективов и дам их тебе в помощь. Отсейте тех свидетелей, которые априори не в состоянии нам помочь, нужно максимально сузить их число.

– Я займусь этим, майор.

– Повторяю, распредели работу между ребятами. Ты не можешь тянуть весь воз в одиночку. Фини займется сбором компьютерной информации об актерах и техперсонале. Я прикажу ему отложить текущие дела и сосредоточиться только на этом.

Ева представила, как взвояет Фини, получив такой приказ. Но она была рада, что сможет поделиться хотя бы частью работы с лучшим детективом-компьютерщиком.

– Я свяжусь с ним, майор, и вручу ему список интересующих нас людей.

– Копии всех материалов – мне. И скажи своим людям, что после пресс-конференции никто не имеет права давать никаких интервью, не получив предварительно моего разрешения. А ты, Даллас, приготовься к тому, что до тех пор, пока это дело не закрыто, вы с мужем будете фигурировать во всех газетах и телепередачах, а к вашему дому будут водить группы туристов. Если тебе понадобится еще какая-нибудь информация, дай мне знать.

– Спасибо, майор, но пока я начну с того, что есть.

– Жду тебя здесь в час тридцать.

Это означало, что беседа окончена. Ева вышла из кабинета и спустилась на свой этаж. По дороге она вытащила сотовый телефон и набрала номер Фини, начальника отдела электронного сыска.

– Привет, Даллас! – весело откликнулся он. – Я слышал, ты вчера посмотрела классный спектакль?

– Да, с убийцей в главной роли. Ну ладно, некогда трепаться. У меня приказ майора: прислать тебе для обработки полный список актеров и работников постановочной части – гримеров, костюмеров, бутафоров, реквизиторов, осветителей, монтировщиков сцены и так далее. Я хочу знать подноготную всех и как они друг с другом связаны. А кроме того – существовали ли какие-нибудь крепкие связи между каждым из них и Ричардом Драко или Айрин Мэнсфилд.

– Рад бы протянуть тебе руку помощи, Даллас, но у меня сейчас дел – по самые ноздри.

– Это приказ майора, – повторила Ева. – Так что все претензии к нему.

– Вот черт! – бессильно выругался компьютерщик, и Ева представила, какая неизбежная скорбь отразилась на его физиономии. – Сколько человек будет в твоём списке?

– Чепуха, человек четыреста.

– О господи! Твою мать!..

– Фини, либо ты молишься, либо материшься. Кстати, информацию на Мэнсфилд я уже вытащила, но ты тоже можешь покопаться – вдруг найдешь что-то еще. – Ева подошла к своему кабинету и, увидев поджидающую Пибоди, кивнула головой, приглашая ее войти. – Уитни считает это дело приоритетным и прищипоривает нас, как коней. В четырнадцать часов состоится пресс-конференция, и к этому времени я хочу получить от тебя как можно больше информации. Тебе разрешено привлечь к работе столько людей, сколько понадобится.

– Я просто счастлив!

– Трудись, дружище. Я буду в городе, а список пришлет тебе по факсу Пибоди. Особое внимание обращай на то, кто с кем и когда трахался.

– В моем возрасте это уже не вызывает интереса.

– Ха-ха, Фини, не прибедняйся! Для секса и травки все возрасты хороши. Будем держать связь.

Ева убрала телефон и обратилась к Пибоди:

– Перешли список работников театра Фини, пусть электронщики попотеют.

Пибоди отправилась выполнять задание. Минут через пять она вернулась и доложила, что все сделано. После этого Ева и ее помощница вышли из кабинета и спустились на лифте в подземный гараж Управления полиции.

– Скажите, лейтенант, а Макнаб тоже будет работать над этим делом? – робко поинтересовалась Пибоди.

Ева искоса посмотрела на свою помощницу, тряхнула головой и отперла дверцы машины.

– Не знаю, не спрашивала.

– Но вам ведь интересно, не правда ли?

Ева пристегнула ремень безопасности и завела мотор.

– Что именно?

– Ну-у... про нас с Макнабом.

– Для меня не существует никаких «нас с Макнабом». Меня меньше всего волнует, трахается ли моя помощница с пижоном из отдела электронного сыска. – Пибоди печально вздохнула. – А теперь прекрати болтать чепуху и дай мне первый адрес.

– Кеннет Стайлс, он же «сэр Уилфред». Парк-авеню, 828. А он, между прочим, очень хорош в постели.

- Кто, сэр Уилфред?
- Да нет же, Макнаб.
- Пибоди!
- Не притворяйтесь, будто вам неинтересно.
- Ни капельки. – Однако образ Пибоди в жарких объятиях Макнаба все же мелькнул в ее мозгу. – Сосредоточься на работе.
- А я могу думать одновременно о многих вещах.
- Тогда подумай о Кеннете Стайлсе и продиктуй мне данные на него.
- Есть, шеф. – Пибоди покорно раскрыла блокнот и стала читать: – Кеннет Стайлс, пятьдесят шесть лет, уроженец и коренной житель Нью-Йорка. Родился и вырос в пригороде. Родители были музыкантами. Правонарушений не числится. Обучался у частных преподавателей, изучал актерское мастерство, историю костюма, дизайн сцены, ораторское искусство.
- Ух ты! Значит, мы имеем дело с настоящим профессионалом.
- Первый раз выступил в качестве актера в возрасте двух лет. Владелец всевозможных призов и наград. Работает только на сцене – никаких съемок. Считается хорошим артистом.
- Он раньше работал с Драко?
- Неоднократно. И пару раз – с Мэнсфилд. Их последняя совместная работа была в Лондоне. В настоящее время не женат.
- Ева окинула взглядом парковку, поняла, что поставить тут машину не удастся, и подкатила прямо к подъезду большого здания на Парк-авеню. Однако, прежде чем она успела открыть дверцу, возле них вырос швейцар в ливрее.
- Прошу прощения, мэм, но эта зона не для парковки.
- А вот это – полицейский жетон. – И она сунула под нос швейцару свой служебный значок. – Как найти Кеннета Стайлса?
- Мистер Стайлс занимает квартиру номер 5000 на пятом этаже. Консьерж объяснит вам, как пройти. Мадам...
- Разве здесь написано «мадам»? – Буравя швейцара взглядом, Ева снова поднесла жетон к его лицу, чтобы он сумел прочесть надпись.
- Прошу прощения, лейтенант. Могу я отогнать вашу машину в гараж на то время, пока вы будете находиться в здании? Когда вы выйдете, вам ее подгонят прямо к подъезду.
- Очень любезно с вашей стороны, но у меня не будет времени ждать, поэтому машина останется здесь.
- Ева и Пибоди вышли из автомобиля и направились к зданию, а швейцар остался стоять, растерянно глядя им вслед. Ева не могла его осуждать: место было из дорогих и, естественно, здесь существовали определенные правила.
- Просторный и элегантный вестибюль был выложен черной плиткой, бронзовые светильники излучали мягкое сияние, повсюду стояли цветы. За длинной белой стойкой грациозно восседала стройная молодая женщина. Лицо ее лучилось приветливой улыбкой.
- Здравствуйте! Могу ли я вам помочь?
- Нас интересует Кеннет Стайлс. – Ева положила свой жетон на стойку рядом с вазой, в которой благоухали белые цветы.
- Мистер Стайлс ожидает вас, лейтенант Даллас?
- Думаю, да. В противном случае это будет приятный сюрприз.
- Одну минуточку. – Не переставая улыбаться, женщина нажала несколько кнопок на коммутаторе. Ее ровный бархатный голос как нельзя больше подходил к этой шикарной обстановке. – Мистер Стайлс? Вас спрашивают лейтенант Даллас и ее помощница. Могу ли я их пропустить? – Выслушав ответ, она сказала: – Спасибо. Желаю вам удачного дня. –

Затем, повернувшись к пришедшим, консьержка указала на лифты в восточном крыле вестибюля: – Проходите, пожалуйста, лейтенант. Мистер Стайлс вас ждет. Пятый этаж, квартира 5000. Приятного вам дня.

– Робот, а не баба! – бросила Пибоди, когда они с Евой шагали по черным плиткам к лифту. – От такой приторной вежливости просто тошнит. Хочется прополоскать рот.

Лифт взлетел на пятый этаж с такой ошеломляющей скоростью, что желудок Евы провалился куда-то вниз, а уши заложило. Она никогда не могла понять, почему скоростные лифты считаются признаком роскоши.

У дверей лифта их ждал еще один «робот» – личный слуга Стайлса, как заключила Ева. На сей раз это был пожилой мужчина, одетый в такой изысканный смокинг, что рядом с ним ненавистный Соммерсет показался бы грязным оборванцем. У «робота» были волосы стального цвета и роскошные усы, которые живописно выделялись на его худом костистом лице. Перчатки на его руках сияли первозданной белизной.

Слуга поклонился, а потом произнес сочным голосом, в котором явно слышался британский акцент:

– Лейтенант Даллас, сержант, мистер Стайлс ожидает вас. Прошу следовать за мной.

Он провел их по коридору к двойным дверям крайней квартиры. Войдя в холл, Ева и Пибоди застыли на пороге. Из огромного, во всю стену, окна открывался вид на Парк-авеню. Интерьер бил по глазам сумасшествием красок – всеми оттенками красного, зеленого, синего. Цвета переплетались и разбегались в разных направлениях самым причудливым образом. Посередине комнаты находился небольшой бассейн из белого мрамора, в котором среди круглых листьев кувшинки лениво плавала кругами упитанная золотая рыбка. Зимний сад, состоящий из увешанных плодами карликовых апельсиновых и лимонных деревьев, источал сильный цитрусовый запах. Пол был исчерчен безумной пляской разноцветных линий, из которых при ближайшем рассмотрении складывался рисунок обнаженных тел, переплетенных в какой-то дьявольской оргии.

Наступая на зеленые груди и синие фаллосы, Ева прошла в ту часть помещения, где на диване шафранного цвета, развалившись, восседал хозяин квартиры.

– Ну и местечко! – не удержавшись, пробормотала Ева.

На бугристом лице Стайлса появилась приторная улыбка.

– Разве возможна жизнь вне искусства, лейтенант! Могу я предложить вам что-нибудь, прежде чем мы начнем?

– Нет, благодарю.

– Что ж, в таком случае вы свободны, Уильям. – Он отпустил слугу величавым взмахом руки и жестом предложил Еве садиться. – Понимаю, что для вас это повседневная работа, лейтенант Даллас, но для меня данная ситуация – в новинку. Вчера я даже, признаться, ощутил некоторое возбуждение.

– Знать, что рядом с тобой, возможно, находится убийца, – разве это возбуждает?

– После того как проходит первый шок – да. Ведь это в человеческой природе – испытывать возбуждение, даже какой-то мрачный восторг при виде убийства. Иначе на протяжении веков оно не привлекало бы к себе столь непреодолимого, болезненного интереса.

Ева отметила, что глаза у Стайлса глубокие, темные и пронизательные.

– Для беседы с вами я мог бы избрать какую угодно маску – я ведь очень опытный актер. Я мог бы прикинуться напуганным, растерянным, нервным, смущенным, опечаленным... Но я предпочел честность.

Ева подумала о Карли Лэндсдоун.

– Похоже, в ближайшее время мне только и придется, что иметь дело с масками, – проговорила она. – Включай диктофон, Пибоди.

Ева села на диван и тут же утонула в подушках. Сдержав готовое вырваться ругательство, она выбралась из этой мягкой трясины, устроилась на самом краю дивана и, едва удерживая равновесие, произнесла стандартную формулу:

– Знаете ли вы свои права и обязанности, мистер Стайлс?

– О да, вне всяких сомнений. – На лице актера вновь появилась приторная улыбка. – Если позволите, лейтенант, должен заметить, что вы произносите эти слова с большой властью и даже с некоторым щегольством.

– Безмерно польщена. А теперь расскажите, пожалуйста, о том, какие отношения связывали вас с Ричардом Драко.

– Исключительно профессиональные. На протяжении многих лет мы с ним периодически работали вместе. В последний раз – в той самой пьесе, премьеры которой с таким... гм... успехом состоялась вчера вечером.

«Вот черт! – подумала Ева. – А ведь ему нравится все происходящее. Он откровенно наслаждается этим!»

– А ваши личные отношения?

– Даже не знаю, существовали ли они в том смысле, который вы вкладываете в это выражение. Актеры часто... так сказать, тянутся друг к другу. – Стайлс сделал неопределенный жест рукой, и на его запястье игриво звякнул браслет с разноцветными камешками. – С угнетающей регулярностью мы женимся друг на друге, но эти браки недолговечны – так же, как и мимолетная дружба или скоротечные связи между партнерами по сцене.

– И все же вы знали его не один год, – заметила Ева.

– Вот именно, я знал его, но мы никогда не были друзьями. А говоря откровенно... – Стайлс снова сделал паузу. Глаза его блестели так же весело, как камешки на браслете, что абсолютно не вязалось с ситуацией. – Я презирал его. Ненавидел. Считал его самым омерзительным существом на свете.

– Тому были причины?

– Тому было сколько угодно причин! – Стайлс подался вперед, словно собирался сообщить какую-то страшную тайну. – Он был жаден, эгоцентричен, груб, высокомерен. Впрочем, этот последний недостаток я мог бы ему простить, поскольку мы, люди, выступающие на подмостках, чтобы добиться успеха, не можем обойтись без определенной доли тщеславия. Однако у Ричарда была черная душа. Он был потребителем – человеком, который получает наслаждение, разбивая чужие сердца и отравляя души. Я нисколько не сожалею о том, что его лишили жизни. Мне лишь не нравится метод, который для этого избрали.

– Почему?

– Потому что пьеса – блестящая, а своей ролью я просто упивался. Теперь же, после этого инцидента, спектакль положат на полку, а то и вовсе снимут, и это меня огорчает.

– Но возможно и другое: случившееся станет великолепной рекламой для спектакля. Это ведь пошло бы вам только на пользу?

– Если рассуждать подобным образом, то конечно.

– И когда спектакль снова пойдет, зрители будут валить на него толпами.

– Пожалуй.

– Следовательно, смерть Драко, случившаяся на глазах у тысяч людей, да еще столь драматично обставленная, вам только на руку?

– Умно! – промурлыкал Стайлс, изучая Еву уже более внимательным и серьезным взглядом. – Спектакль внутри спектакля – это всегда интересно. Блестящий ход мысли, лейтенант!

Ева почувствовала, что все это начинает ее раздражать.

– Насколько мне известно, вы имели доступ к бутафорскому ножу. И достаточно времени, чтобы подменить его на настоящий.

– В общем-то да. Это мысль! – Артист несколько раз моргнул, словно переваривая новую для себя информацию. – Так, значит, я – подозреваемый? Как интересно! Я-то видел себя исключительно в роли свидетеля. Что ж, действительно, у меня была такая возможность, но вот мотива не было.

– Только что вы заявили, что ненавидели Ричарда Драко.

– О, дорогой лейтенант, если бы я убивал всякого, кого ненавижу, сцена была бы завалена трупами! Кроме того, как бы велика ни была моя ненависть к Ричарду Драко, мое восхищение его талантом было еще больше. Он был великим артистом, и только по этой причине я согласился снова с ним работать. Возможно, мир избавился от ничтожнейшего человечешки, но зато театр потерял величайшего из своих сыновей.

– А вы избавились от одного из главных конкурентов по сцене, – добавила Ева.

Брови Стайлса поднялись.

– Вот тут вы ошибаетесь. У нас с Ричардом совершенно разные амплуа. Я не могу припомнить случая, чтобы мы с ним когда-либо боролись за одну и ту же роль.

Ева кивнула, подумав, что проверить это будет несложно, и решила изменить тактику:

– Какие отношения связывают вас с Айрин Мэнсфилд?

– Она мой друг. Я восхищаюсь ею – и как женщиной, и как партнером. – Он опустил глаза и покачал головой. – Наша профессия дается ей нелегко: она очень ранимая натура. Надеюсь, вы учтете это.

Стайлс снова поднял глаза на Еву. Теперь они потемнели, и в них плескался гнев.

– Кто-то чудовищным образом использовал ее, уверяю вас, лейтенант. Если бы я задумал отправить Ричарда Драко на тот свет, я бы сделал это таким образом, чтобы не бросать тень на своих товарищей. Вчера на сцене оказалось сразу две жертвы – Ричард Драко и Айрин Мэнсфилд, и мое сердце истекает кровью от жалости к ней.

* * *

– Ловкач! – бормотала Ева, пока лифт спускал их с пятого этажа в вестибюль. – Умный, скользкий, самодовольный... Из всех актеров он – самый опытный и знает театр как свои пять пальцев.

– Если Стайлс действительно друг Айрин Мэнсфилд, разве стал бы он вкладывать в ее руки настоящий нож, чтобы она убила Драко? Да к тому же еще подкидывать бутафорский нож в ее гримерную.

– А почему бы и нет? Ведь это так театрально! – Ева вышла из подъезда, напоследок наградив швейцара сердитым взглядом. Сев в машину, она наморщила лоб и задумчиво побарабанила пальцами по рулю. – Как бы то ни было, тот, кто разработал этот план, хотел, чтобы мы нашли бутафорский нож и стали подозревать Мэнсфилд. В противном случае все это выглядит глупо, а тот, кто подстроил убийство, далеко не дурак. Я хочу знать имена статистов – кто из обделенных артистов, желающих блистать на сцене, выполнял в тот день техническую работу.

Машина отъехала от тротуара.

– Отправь запись беседы Фини, – велела Ева Пибоди и набрала номер морга. Трубку снял доктор Моррис, главный патологоанатом и медицинский эксперт управления, обладатель роскошной шевелюры, всегда носивший в правом ухе несколько серебряных сережек.

– Я ждал твоего звонка, Даллас, – сказал он. – Ваши ребята из управления меня уже заколебали.

– Да нас и самих имеют как хотят. Итак, что ты мне можешь сказать о Драко?

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но он мертв. – По голосу Морриса было понятно, что он улыбается. – Ножевая рана в сердце, мгновенная и чистая смерть. Больше никаких

повреждений. У него великолепная накачанная фигура и чудесный бронзовый загар, если тебя это интересует. Печень – не очень. Видимо, этот парень любил заложить за воротник, но в последнее время пытался лечиться. Кстати, в момент смерти он был под кайфом: в организме обнаружен наркотик. Точнее, коктейль из трех наркотиков: «экзотики», «зинга» и «зевса». И эту гремучую смесь он запил стаканом чистого виски.

– Гурман!

– Не говори... Мужик и пил, и таблетки глотал, но при этом пытался заботиться о здоровье: качался, лечил печень. Впрочем, даже при таком образе жизни он прожил бы еще не менее двух десятков лет.

– Теперь ему это не грозит. Спасибо, Моррис.

– Когда спектакль снова пойдет, не подкинешь по блату пару билетиков? У тебя, кажется, ведь есть связи, – подколот Еву патологоанатом.

Она вздохнула:

– Я посмотрю, что можно будет сделать.

4

Покинув квартал, в котором обитал Стайлс, Ева и Пибоди проехали совсем немного и вскоре окунулись в специфические ароматы района Алфавет-сити. Здесь пахло перевернутыми мусорными баками и невымытыми бродягами, тут не было роскошных домов с ливрейными швейцарами и престижных машин. Однако, несмотря на это, у Евы сразу стало легче на душе.

Майкл Проктор жил на четвертом этаже угрюмого закопченного здания – одного из многих, которые жались друг к другу грязными боками, словно бездомные попрошайки в очереди за бесплатным супом. Каждый раз, когда приближались выборы, городские власти клялись в том, что приведут район в порядок: проведут реконструкцию, одержат решительную победу над преступностью, объявят бой нищете. Но вот выборы оставались позади, а район продолжал гнить, распространяя омерзительное зловоние. До следующих выборов.

Однако всем надо где-то жить. Судя по полученной Евой информации, Майкл Проктор отчаянно боролся за существование: хватался за любые роли, подрабатывал в нескольких местах разом, чтобы только не остаться без крыши над головой. И все же ему это не очень удавалось. Ева выяснила, что Проктор задолжал квартплату уже за полтора месяца и ему пришлось обратиться в комиссию по жилищной помощи. А это означало последнюю стадию отчаяния. Те, кто приходил в КЖП, словно попадали в паутину. Их опутывали липкими нитями анкет, справок и других бумажек, их хватали за горло жирные пальцы бюрократов. В конечном итоге многие не выдерживали и, плюнув на все, уходили прочь, чтобы найти хотя бы временное убежище под кровом грязной ночлежки.

Еве подумалось, что, получив роль Драко, Проктор мог рассчитывать на приличную зарплату. А деньги во все времена были самым весомым мотивом убийства.

Покрутившись по стоянке, Ева наконец поставила машину между ржавым седаном и битым пикапом, марку которых уже невозможно было определить.

– Если Драко прикончил этот парень, то он сделал меткий выстрел, – проговорила она. – Теперь у него появился шанс получить главную роль, пусть даже временно. А это даст толчок его карьере, подарит уверенность в себе и деньги – все в одном флаконе. Раньше он никогда не преступал закон, но ведь каждый преступник когда-нибудь с чего-то начинает.

– Мне нравится ваш оптимистический взгляд на природу человека, – усмехнулась Пибоди.

– Да, я отличаюсь редким человеколюбием, – согласилась Ева, направляясь ко входу в мрачное здание. Пибоди поспешила за ней.

Когда-то этот дом знал лучшие времена, однако уже очень давно пришел в упадок. Кодовый замок на входной двери был с корнем вырван – вероятно, каким-нибудь шаловливым юнцом, у которого теперь, скорее всего, уже выросла борода. Вестибюль цвета засохшей грязи был тесным и затхлым, почтовые ящики на стене – поломаны и искорежены. Посмотрев на хлипкий лифт, поддерживаемый двумя ржавыми тросами, Ева недоверчиво хмыкнула и стала подниматься по лестнице.

Откуда-то доносился жалобный плач и всхлипывания, из-за двери на втором этаже слышались звуки телевизора: показывали футбольный матч, и кто-то смачно поносил игроков за скверную игру. В воздухе пахло плесенью, мочой и марихуаной. На третьем этаже звучала классическая музыка – эту мелодию Еве как-то играл Рорк. Ей сопровождали тяжелые удары, и Ева поморщилась: ей не хотелось отвлекаться от дела, которое их сюда привело.

– Бьют кого-то, – буркнула она.

– Нет, танцуют, – возразила Пибоди. – Мой кузен исполняет этот танец в региональной балетной труппе в Денвере. Я когда-то тоже мечтала туда попасть...

– Ты мечтала стать танцовщицей? – Ева изумленно воззрилась на свою помощницу. От подъема по лестнице щеки Пибоди порозовели.

– Да. Правда, тогда я была еще маленькой девочкой. Но у меня не та конституция. Вот вы с вашим сложением вполне могли бы танцевать. Пару недель назад мы с Чарльзом ходили в балет. Все балерины такие длинные, тощие! Меня от них тошнит.

– Гм... – Это было все, что Ева могла сказать в ответ. Признание Пибоди, что она продолжает общаться с профессиональным жиголом Чарльзом Монро, ей совсем не понравилось.

– А я сложена скорее как оперная певица, – сказала Пибоди, скорчив рожицу. – Я... пухленькая.

– Теперь пойдешь в оперу?

– Я уже несколько раз была. Мне понравилось. – Они наконец добрались до площадки четвертого этажа, и Пибоди с облегчением выдохнула. – Чарльз вообще помешан на культуре.

– У тебя, наверное, очень напряженно со временем. Это надо же – разрываться между Макнабом и Монро!

Пибоди хихикнула:

– А я думала, что для вас не существует «нас с Макнабом».

– Заткнись, Пибоди! – раздраженно одернула помощницу Ева и постучала в дверь Проктора.

Держа наготове полицейский жетон, она прислушивалась к шагам за дверью. Послышалось звяканье и щелчки. Ева считала и пришла к выводу, что на двери как минимум пять замков. Наконец дверь приоткрылась. Лицо, которое виднелось сквозь образовавшуюся щель, поразило Еву. Оно могло быть либо творением гениального скульптора, либо даром Божиим. Гладкая золотистая кожа, высокие скулы, квадратная челюсть античного героя, подбородок с ямочкой, за которую тысячи женщин, не раздумывая, продали бы душу дьяволу. Полные губы, идеально очерченный рот, прямой нос, а глаза... Два изумруда чистой воды. Все это великолепие венчала пышная шапка светло-каштановых волос с выбившимися на лоб мальчишескими вихрами.

Переведя глаза с Евы на Пибоди и обратно, Майкл Проктор пригладил длинными пальцами шевелюру и, приведя себя таким способом в порядок, неуверенно улыбнулся:

– М-м... Лейтенант Хьюстон?

– Даллас.

– Точно! Я помню, что-то связанное с Техасом. – Проктор явно нервничал, и голос его то и дело срывался. Но все же он отступил и широко распахнул дверь, приглашая женщин войти. – До сих пор не могу прийти в себя. Мне все еще кажется, что произошла какая-то ошибка...

– Если так, то ее уже не исправишь.

Ева окинула взглядом квартиру, которую, впрочем, можно было так назвать лишь с большой натяжкой. В единственной комнате стояло убогое кресло-кровать со смятым бельем, которое Проктор даже не удосужился убрать, шаткий стол с обшарпанным телефонным аппаратом, торшер с выцветшим абажуром и комод с тремя выдвигаемыми ящиками. «Да, – подумала Ева, – служение музам, оказывается, не слишком прибыльное дело».

– Гм... позвольте... я сейчас... – Слегка зардевшись, хозяин вытащил из-за комода складной стул. – Извините. По сути дела, я здесь только ночую, это место не слишком подходит для приема гостей...

– Не воспринимайте нас в качестве гостей. Пибоди, включи диктофон. Вы можете присесть, мистер Проктор, если так вам будет удобнее.

Проктор уселся на кровать, предложив Еве складной стул. Пибоди осталась стоять.

– Я... – Его пальцы нервно перебирали пуговицы не слишком свежей рубашки. – Я просто не знаю, как себя вести. Никогда не играл в криминальных драмах такого рода. Только в сериалах и романтических комедиях.

– А мое сильное место – как раз криминальные драмы, – спокойно откликнулась Ева. – Вы просто отвечайте на мои вопросы, и все будет в порядке.

– Хорошо. Ладно.

Обведя комнату взглядом, словно видел ее впервые, Проктор закинул ногу на ногу, затем снял ее и улыбнулся, словно просил о снисхождении. Он смотрел на Еву взглядом школьника, которого вызвали в кабинет директора за нарушение дисциплины.

– Беседа лейтенанта Евы Даллас с Майклом Проктором в квартире вышеозначенного. Присутствует офицер Делия Пибоди.

Проктор слушал, барабанил пальцами по коленям, и вид у него был такой виноватый, будто его застукали с килограммом героина в хозяйственной сумке.

– Знаете ли вы свои права и обязанности?

– Да, наверное... Скажите, мне нужен адвокат? – Он посмотрел на Еву взглядом щенка, умоляющего, чтобы его не наказывали за то, что он испачкал ковер. – У меня есть одна знакомая, юрист из театра. Может, мне ей позвонить?

– Решайте сами. Вы можете вызвать адвоката в любой момент нашей беседы. Или, если хотите, мы можем перенести разговор в Управление полиции.

– О господи... – Он судорожно выдохнул и в нерешительности посмотрел на телефон. – Нет, пожалуй, я не буду ее беспокоить. У нее и так дел невпроворот.

– Расскажите, пожалуйста, о том, что произошло вчера вечером.

– Вы имеете в виду... – Проктор нервно поежился. – Я был за кулисами, с левой стороны от сцены. Блестящая постановка, просто блестящая! Помню, я думал, что, если спектакль будет долго не сходить со сцены, у меня, возможно, появится шанс сыграть Воула. В течение сезона Драко наверняка пропустил бы один или два спектакля...

Он вдруг осекся и побледнел.

– Я вовсе не имел в виду, что... Я никогда не желал, чтобы с ним что-нибудь случилось! Я скорее думал, что он может заболеть, простудиться. Или ему просто понадобится свободный вечер... Вы понимаете?

– Конечно. И что вы видели из-за кулис с левой стороны во время последней сцены?

– Драко был великолепен! Высокомерный, холодный, безжалостный. Как Воул торжествовал, будучи отпущен на свободу! И это при том, что он только что отшвырнул Кристину, как обглоданную кость. Он победил, он обвел вокруг пальца систему, он обманул всех! А потом – шок. Шок в его глазах, паралич, когда она бросилась к нему с ножом в руке. Я смотрел и думал, что мне никогда не достичь таких вершин мастерства. Я ни за что не найду в себе столько... – Он на секунду задумался. – Столько всего.

– Когда вы поняли, что Драко уже не играет?

– Я думаю... Я думаю, в тот момент, когда Айрин закричала. По крайней мере, я понял, что случилось нечто ужасное. Но все произошло так быстро! Люди бежали к нему, кричали... Тут же опустили занавес, а он по-прежнему лежал.

«Да, трудно встать и выйти на поклон, когда у тебя в сердце застряло восемь дюймов стали», – подумала Ева.

– Какие у вас были отношения с Ричардом Драко?

– Никаких.

– Вы не общались, не разговаривали?

– Ну-у... – Пальцы Проктора снова начали свой нервный танец. – Конечно, пару раз мы разговаривали, но, боюсь, по отношению ко мне он испытывал только раздражение.

– Почему?

– Видите ли, лейтенант, я постоянно наблюдаю. За людьми, – уточнил он с неуверенной улыбкой. – Я изучаю людские типы, характеры. Я наблюдал и за Драко, и это выводило его из себя. Однажды он сказал мне, чтобы я не попадался ему на глаза, иначе он... гм... сделает так, чтобы я мог реализовывать свое актерское дарование только в порнографических шоу. Я, конечно, тут же извинился.

– И что дальше?

– Он швырнул в меня пресс-папье. Бутафорским пресс-папье со стола сэра Уилфреда. – Проктор моргнул. – Он промахнулся. Но он и хотел промахнуться, я в этом уверен.

– Вы на него, наверное, страшно разозлились?

– В общем-то нет. Я смутился, поскольку рассердил великого актера во время репетиции. Ему понадобился целый день, чтобы успокоиться.

– Человек угрожает поломать вам всю жизнь, швыряет в вас пресс-папье, а вы на него даже не сердитесь?

– Но ведь это Драко! – благоговейно произнес Проктор. – Один из лучших актеров столетия. Я думаю, он бы им не стал, если бы не обладал таким темпераментом.

– Судя по всему, вы им восхищаетесь, – заметила Ева.

– О да! Я очень давно начал изучать его творчество. У меня есть записи всех работ Драко. И когда у меня появилась возможность стать его дублером на роль Воула, я ухватился за нее обеими руками. Мне кажется, это поворотный пункт в моей карьере. – Теперь глаза Проктора сияли. – Всю жизнь я мечтал оказаться на одной сцене с Ричардом Драко – и вот моя мечта сбылась.

– Но вам едва ли удалось бы его заменить, если бы с ним чего-нибудь не произошло.

– Дело не в этом. – Загоревшись, Проктор подался вперед и чуть было не упал с шаткой кровати, которая угрожающе закрипела. – Я репетировал те же сцены, что и он, разучивал его диалоги... Это все равно как стать им самим! В некотором смысле, конечно...

– И теперь вы сможете занять его место, правильно?

– Да! – На лице Проктора расцвела и тут же погасла улыбка. – Я понимаю, насколько эгоистично, насколько ужасно все это звучит. Мне самому это неприятно...

– Вы испытываете финансовые затруднения, мистер Проктор?

Он вспыхнул, моргнул и безуспешно попытался улыбнуться.

– Да, но... В театр ведь приходят не из-за денег, а из-за любви!

– Однако деньги оказываются весьма кстати, когда хочется кушать и иметь крышу над головой. Насколько мне известно, вы задолжали за квартиру?

– Да, немного...

– Ваша нынешняя работа дает вам заработок, вполне достаточный для того, чтобы оплачивать жилье, мистер Проктор. Так в чем же дело? Вы – игрок?

– О нет, ни в коем случае!

– Значит, просто не научились обращаться с деньгами?

– Нет, это тоже неверно. Видите ли, я... вкладываю деньги. В себя. Я беру уроки мастерства и сценической речи, я стараюсь поддерживать себя в соответствующей форме. Все это обходится недешево – особенно здесь, в Нью-Йорке. Возможно, вам, лейтенант, это покажется глупостью, но это неотъемлемая часть моего ремесла. Так сказать, средства производства. Я даже думал найти какой-нибудь приработок, чтобы залатать дыры в моем бюджете...

– Но теперь, со смертью Ричарда Драко, в этом отпала необходимость, не так ли?

– Пожалуй. – Проктор помолчал, размышляя. – Откровенно говоря, я не представлял, как выбраться из этой пропасти. Безденежье занимало все мои мысли, хотя я и привык к бедности. Теперь мне, конечно, будет легче... Нет, не подумайте чего, лейтенант! Как бы то

ни было, театр потерял своего выдающегося представителя, а я – своего кумира. Но если говорить откровенно, я трепещу при мысли о том, что теперь я смогу играть Воула.

* * *

Внимательно глядя под ноги, Ева спускалась по вонючей лестнице.

– Как же можно быть таким наивным? Таким простодушным? – недоумевала она.

– Он из Небраски, – сообщила Пибоди, на ходу раскрывая свой блокнот.

– Откуда?

– Из Небраски. – И Пибоди неопределенно махнула рукой куда-то на восток. – Провинциальный парень. Подвизался в местных театрах, снимался на видео, в рекламных роликах, в эпизодических ролях. В Нью-Йорке он всего три года. Там, в Небраске, до сих пор выращивают такую простодушную деревенщину, а еще – сою и кукурузу.

– Так или иначе, но он остается в списке главных подозреваемых. Раньше он торчал за кулисами, а теперь имеет реальный шанс получить главную роль. Кроме того, он живет, как нищий, в этом логове. Деньги и честолюбие – очень сильные побудительные мотивы. Он мечтал стать Драко, а кратчайший путь к этому – устранить самого Драко.

Ева и ее помощница сели в машину.

– У меня родилась одна идея, – проговорила Пибоди.

Ева посмотрела на часы.

– Ух, чертова пресс-конференция! Так что там у тебя за идея?

– Да так, одна теория.

– Валяй, выкладывай.

– Только сначала, если можно, я хотела бы купить соевую сосиску.

– О господи! Что за теория-то?

– Я тут все думаю об актерах... Хороший актер во время спектакля влезает в шкуру своего персонажа. Но другая его часть остается как бы в отдалении: оценивает партнеров, вспоминает, в какую часть сцены идти после тех или иных слов, следит за реакцией зрителя... Так вот, моя теория заключается в том, что человек, подменивший нож, был актером.

– Скорее уж режиссером, который поставил взаправдашнее убийство.

– Он мог быть даже техническим работником, но в душе являлся актером. Хорошая теория?

– Идиотская! – отрезала Ева и повернула за угол. Там, у края тротуара, дымился лоток, с которого бородатый турок продавал горячие хот-доги. Ева затормозила. – Иди за своей сосиской.

– Вы что-нибудь хотите?

– Кофе, но только не из этой помойки на колесах.

Пибоди вздохнула:

– Умеете вы испортить аппетит.

Тем не менее она вылезла из машины, перешла улицу и вернулась с гигантской соевой сосиской и огромным стаканом диетической коки. Это был способ самообмана: таким образом Пибоди пыталась уверить себя в том, что следит за фигурой.

– Ну что, теперь довольна? – спросила Ева, когда помощница плюхнулась на сиденье и засунула в рот один конец сосиски.

– М-м-м... Вкуснятина! Не хотите куснуть?

Пибоди спасло только то, что в этот момент запищал телефон и включился автоответчик. Это была Надин Ферст, репортер с «Канала-75».

– Даллас, это я. Возьми трубку! Мне нужно срочно с тобой поговорить.

– Ага, сейчас... – сварливо проговорила Ева и трубку, естественно, не сняла. Еще раз завернув за угол, она поехала по направлению к штаб-квартире полиции. – С какой стати она решила, что я дам ей эксклюзивное интервью до официальной пресс-конференции?!

– Может, потому, что вы подруги? – промычала Пибоди с набитым ртом.

– Не до такой же степени!

Однако Надин все еще не отключилась.

– Даллас, – вновь заговорила она, и в голосе ее звучало непривычное напряжение. – Это очень важное дело и... личное. Если ты меня слышишь, пожалуйста, ответь. Назначь мне встречу где угодно и когда угодно.

Выругавшись, Ева сорвала трубку с рычагов.

– В «Голубой белке», прямо сейчас.

– Даллас...

– В твоём распоряжении десять минут, так что советую поторопиться.

* * *

Вскоре Ева уже входила в «Голубую белку». Она давно здесь не была и сейчас отметила, что помещение выглядит еще более запущенным и пропыленным, чем раньше. В воздухе витал все тот же запах марихуаны.

И все же это невзрачное место всколыхнуло в душе Евы ностальгические чувства. Когда-то здесь выступала ее подруга Мэвис. В нарядах, которые не поддаются никакому описанию, она прыгала по сцене, извивалась и даже не пела, а кричала свои песни. А как-то раз, расследуя особо запутанное дело, Ева пришла сюда с единственной целью – напиться до положения риз, чтобы только не думать о работе. Однако Рорк вычислил ее и забрал раньше, чем она успела осуществить задуманное. В ту ночь она впервые оказалась в его постели.

Тогда же Ева выяснила, что секс с Рорком – гораздо более эффективное средство для того, чтобы забыться, нежели виски, грохочущая музыка и скачущая толпа.

Так или иначе «Голубая белка» с ее неаппетитными кушаньями и равнодушными официантами все равно занимала определенное место в жизни Евы Даллас.

Ева скользнула за столик, отгороженный от зала невысоким барьером, и решила, что в память о былых временах можно даже выпить чашечку здешнего чудовищного кофе. В следующую секунду она увидела входящую Надин.

– Спасибо, что согласилась встретиться, – сказала Надин, остановившись у столика и разматывая длинный пестрый шарф. – Пибоди, ты не обидишься, если я попрошу тебя оставить нас на минутку вдвоем?

– Без проблем, – откликнулась Пибоди. Увидев, что глаза журналистки затуманены какой-то неведомой печалью, она ободряюще сжала ее руку. – Я посижу в баре и посмотрю телевизор.

– Спасибо, – сказала Надин, усаживаясь напротив Евы. – Давно мы здесь не бывали.

– Ну и слава богу. Не то это место, чтобы по нему скучать.

Подошел официант, и, чтобы его поскорее отвести, Ева вынула полицейский жетон и положила его на середину стола. Она полагала, что ни у нее, ни у Надин нет особого желания выпивать, а тем более есть.

– Итак, в чем проблема? – спросила она.

– Сама не знаю. Может, ее и вовсе нет...

Надин закрыла глаза и тряхнула головой. Ева заметила, что в ее волосах появились светлые «перья». Она никогда не могла взять в толк, зачем женщины то и дело меняют цвет волос. Вся эта мышьяная возня была ей глубоко противна.

– Ричард Драко, – наконец выпалила Надин.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой ход расследования. – Нетерпеливым жестом Ева смела свой жетон со стола и встала. – Пресс-конференция в четырнадцать часов.

– Я с ним спала.

Ева снова опустила на стул и пристально посмотрела в лицо Надин.

– Когда?

– Незадолго до того, как меня впервые выпустили в прямой эфир «Канала-75». Я тогда готовила какие-то смешные репортажи, зарисовки, делала портреты звезд. В общем, он сам связался со мной. Сказал, что хочет выразить мне свое восхищение по поводу того, как я талантлива, как прекрасно смотрюсь на экране, как ему нравятся мои репортажи.

Надин намотала шарф на руку. Размотала его. Снова намотала.

– Короче, он пригласил меня поужинать. Я трепетала, он царил. Одно за другим...

– Ладно. Но это же было пять лет назад.

– Даже шесть.

Надин потерла пальцами лоб. Ева никогда раньше не замечала у нее этого жеста. Звезды прямого эфира не трут без особой надобности свои физиономии, боясь испортить макияж.

– Я же сказала: одно за другим, – продолжала Надин. – Все выглядело весьма романтично. Нет, мы не прыгнули в койку в первый же вечер. Мы встречались не меньше двух недель. Обеды в уютных ресторанах, театры, прогулки, вечеринки. А затем он предложил мне съездить на выходные в Париж.

На сей раз Надин просто уронила голову на руки.

– Боже мой, Даллас, боже мой!

– Ты в него влюбилась?

– Да, влюбилась. Влюбилась в этого сукина сына, как последняя дура, сошла с ума, осатанела от любви! Мы были вместе три месяца, и я... Даллас, ты не поверишь, но я начала мечтать о том, чтобы выйти за него замуж, родить от него детей, представляла себе домик в деревне...

Ева поерзала на стуле. Слыша столь эмоциональные признания, она всегда ощущала неловкость. И тем более не ожидала она услышать такое от Надин.

– Не получилось?

Надин подняла голову, чтобы посмотреть на Еву, и горько рассмеялась.

– Да, можно сказать и так – не получилось. Я выяснила, что он изменял мне все это время. Да не с одной, не с двумя, а с четырьмя бабами! Я увидела репортаж одного из своих коллег, и там – Ричарда в обнимку с какой-то грудастой блондинкой. Естественно, я устроила ему скандал, а он так спокойненько посмотрел на меня и сказал: «Да, я люблю женщин, ну и что?»

Некоторое время Надин молчала, затем подняла голову.

– Ну и что... Этот подонок разбил мне сердце и даже не потрудился придумать что-нибудь в свое оправдание. Более того, он уговорил меня снова лечь с ним в постель! Я до сих пор думаю об этом со стыдом. Так вот, лежим мы с ним в кровати, я еще не успела остыть, а ему звонит какая-то другая баба, и он назначает ей свидание. Представляешь? А я лежу рядом, голая!

– Надеюсь, он после этого долго провалялся в больнице? – поинтересовалась Ева.

Надин жалко улыбнулась:

– В том-то и беда, что меня хватило только на то, чтобы расплакаться. Я сидела в его постели и горько плакала – как маленькая.

– Мне очень жаль, Надин. Представляю, каково тебе пришлось. Но это было шесть лет назад.

– Я виделась с ним в тот вечер, когда его убили.

– Вот черт!

– Он позвонил мне.

– Заткнись! Заткнись сию же секунду! И не говори мне больше ни слова. Срочно свяжись со своим адвокатом.

– Даллас! – Надин схватила Еву за руку. – Пожалуйста! Я должна рассказать тебе все. А ты должна сказать мне, в какое дерьмо я вляпалась.

– Твою мать! – Ева подозвала официанта и все же заказала кофе. – Ладно, черт с тобой. Я не зачитала тебе твои права. И не буду. Так что я не имею права использовать против тебя то, что ты мне рассказываешь.

– Он позвонил мне накануне, стал рассказывать, как часто думает обо мне, как вспоминает былые деньки. Я уже собралась послать его куда подальше, но затем поняла, что мне хочется получить обратно хотя бы немного себя. Оттуда, из прошлого. Я хотела лично надрать ему задницу. И я согласилась встретиться с ним на следующий день в его гостинице. Поэтому меня увидят на видеозаписях камер наблюдения.

– Обязательно увидят.

– В общем, я собрала себя в кулак и поехала. Надела новое платье, сделала новую прическу... Он заказал в номер ланч. Представляешь, эта сволочь помнила, какие блюда мы ели в день нашего первого свидания! Правда, может быть, он заказывает одно и то же на каждом первом свидании с очередной дурочкой? Но ничего, теперь он уже наверняка горит в аду!

Надин перевела дыхание.

– Он налил мне шампанского, мы разговаривали. Я знала его фильмы, я помнила каждый из них. Но когда он погладил меня по щеке и одарил одним из своих томных взглядов, я выплеснула шампанское ему в морду и высказала все, что я о нем думаю, – все, что я должна была сказать шесть лет назад. Вышел жуткий скандал: разбитый бокал, изошренные проклятия, по паре тумачков с обеих сторон...

– Он применил к тебе физическое воздействие?

– Мы оба применили. Я дала ему по морде, он мне ответил. Потом я пнула его в живот, очень удачно: он буквально согнулся пополам. Пока он пытался отдышаться, я ушла – и почувствовала себя при этом прекрасно.

– Как ты думаешь, на видеозаписи камер наблюдения будет видно, что ты растрепана, возбуждена?

– Понятия не имею. – Надин снова потерла лоб пальцами. – Может, и будет – я тогда об этом не думала. Но, как бы там ни было, я рада, что сходила на эту «встречу старых друзей». Рада, что все же постояла за себя. Но потом, Даллас, я совершила колоссальную ошибку.

Официант принес кофе. Ева подвинула чашку в сторону подруги, и Надин залпом проглотила гнусное пойло.

– Вчера вечером я отправилась в театр! Я хотела доказать себе, что могу пойти туда, смотреть на него и при этом не испытывать никаких чувств. И я пошла. И действительно ничего не чувствовала. Это был час моего торжества: наконец-то я выкинула подонка из своей жизни, освободилась от него. Во время антракта я даже – бог ты мой! – воспользовавшись своим журналистским удостоверением, пошла за кулисы, чтобы поговорить с ним.

– Ты разговаривала с ним во время спектакля?

– Нет. Я уже подошла к его гримерной, но затем передумала. Если бы я устроила ему еще один скандал, он почувствовал бы себя чересчур важной персоной. Слишком много чести. Поэтому я просто ушла из театра и долго бродила по городу. Разглядывала витрины, зашла в какой-то бар и выпила бокал вина. А сегодня утром, когда я услышала... Я запаниковала. Позвонила на работу и сказала больная. Только потом я сообразила, что могу поговорить с тобой. Даллас, я не знаю, что мне делать!

- Оказавшись за кулисами, ты действительно шла к его примерке? Именно к ней?
- Клянусь тебе!
- Тебя кто-нибудь видел?
- Не знаю. Но в общем-то я не пыталась быть невидимкой.
- Я хочу официально зафиксировать все, что ты мне рассказала. Поверь, для тебя это самое лучшее. И еще я хочу, чтобы ты наняла себе адвоката – хорошего адвоката. Сделай это по-тихому и расскажи ему все, что поведала мне.
- Хорошо.
- Ты ничего не упустила, Надин? Ни одной детали?
- Нет, я рассказала тебе абсолютно все. Я видела его один раз – в его гостиничном номере, а потом – только на сцене. Возможно, я дура, Даллас, но эта история мучила меня много лет. И еще... Ты ведь меня знаешь. Я не трусиха. Если бы я хотела зарезать эту мерзкую свинью, я сделала бы это сама и не стала бы вкладывать нож в чужие руки.
- Да, я знаю. – Ева допила кофе и поморщилась. – Поговори с адвокатом. Официально мы с тобой побеседуем завтра. – Она встала и после недолгих колебаний дружески потрепала Надин по плечу. – Не переживай, все будет хорошо.
- Знаешь, что самое обидное, Даллас? Мне было так чертовски хорошо! Впервые после того, как я брала сеансы психотерапии у твоей Миры.
- Ева переступила с ноги на ногу.
- Да?..
- Между прочим, мы с ней выяснили, что после истории с Ричардом я закрылась для настоящей любви. Он буквально растоптал мне душу. И вот после того, как я ему все высказала и дала в морду, мне показалось, что я прозрела. Я сидела в баре за бокалом вина и почувствовала, что моя душа вновь открылась. Я так хотела этого! И вот... Как ужасно все получилось! Ну что ж, спасибо, что выслушала меня.
- Прекрати. – Ева подала знак Пибоди. – Не сходи с ума, Надин.

5

Календарь утверждал, что весна вот-вот наступит, но она почему-то не торопилась. Ева ехала домой под морозящим дождем – таким же серым и безрадостным, как ее настроение.

Ева была раздражена пресс-конференцией. Единственное, что в ней было хорошего, это то, что она уже закончилась, а все остальное – на редкость погано. Да и вообще за целый день допросов и мельтешения по городу она сумела составить лишь весьма смутное представление о нескольких людях и событиях. Нет, у нее явно не было поводов быть довольной собой!

Вообще-то она не собиралась ехать домой: у нее еще была работа в городе, которую можно и нужно было сделать. Вместо этого она вдруг отпустила Пибоди, к великой и нескрываемой радости последней.

Ева убеждала себя, что ей нужно отдохнуть: погулять по саду, привести мысли в порядок. И дело вовсе не в том, что она вдруг так безумно захотела увидеть Рорка... А пока она лавировала в густом потоке транспорта, пытаясь не попасть в пробки, которые в этот час возникали чуть ли не на каждом углу. Она то прибавляла скорость, то притормаживала, подрезала не в меру наглого таксиста и в итоге застряла перед светофором. Железная река машин изрыгала клубы дыма, как адский поезд. У одной из них под капотом вспыхнул огонь, и бедолага шофер с проклятиями поливал мотор пеной из огнетушителя.

Чтобы хоть как-то скоротать время, Ева позвонила Фини.

– Ну, как успехи?

– Кое-какие имеются. Я вытащил из компьютера досье на всех, включая постоянных сотрудников театра и технический персонал. Адреса, финансовые данные, криминальное прошлое и так далее.

У Евы на душе стало немного легче.

– На всех?

– Да. – Фини помолчал. – Ну, я не буду приписывать успех только себе. Нам помогли. Точнее, Рорк помог.

Ева снова напряглась:

– Рорк?

– Он связался с нами сегодня после обеда – словно знал, что я буду искать данные на сотрудников театра. А у него вся эта информация и так имеется. Так что он сэкономил нам кучу времени.

– Какой заботливый! – пробормотала Ева.

– Все, что мы нашли, я послал тебе по электронной почте.

– Прекрасно.

– Я усадил Макнаба за вычисление пересечений, вероятностей, процентных соотношений. Времени на это уйдет прилично – список-то большой. Но завтра, я думаю, нам придется просеять людей, чтобы сократить список – отбросить наиболее бесперспективных. А как идут твои допросы?

– Медленно.

Автомобильная змея наконец поползла вперед. Ева выехала на перекресток, заметила пробел в потоке и нырнула в него. Ее маневр был встречен хором возмущенных гудков, и она коварно улыбнулась.

– Мы установили, откуда взялось оружие убийства, – стала рассказывать она. – Обычный кухонный нож из театральной кухни, которая находится в подвальном помещении.

– Доступ туда, разумеется, имеют все? – уточнил Фини.

– Актеры, сотрудники театра. Зрители, конечно, нет. Кстати, там установлены камеры наблюдения, и мы уже забрали вчерашние записи. Поглядим, что на них есть. Слушай, кое-какие исследования я намерена провести сама, а потом сравним мои результаты с твоими. От Миры я завтра получу несколько психологических портретов. Может оказаться, что нам не придется трясти всех подозреваемых. Насколько далеко продвинулся Макнаб?

– Он трудился не покладая рук, пока я его не отпустил.

– Ты отпустил Макнаба домой?!

– Вряд ли он поехал домой. – Фини хихикнул. – У него сегодня вечером свидание.

– Заткнись, Фини! – рявкнула Ева и положила трубку.

Вскоре она уже въезжала на свою территорию. Даже несмотря на отвратительную погоду, здесь было великолепно. А может быть, как раз на фоне этой сырой и серой мерзости дом и парк вокруг него были великолепны.

На просторных лужайках лежал прозрачный предвесенний туман, голые, потемневшие под дождем деревья словно плакали. Здесь царил особенная атмосфера, как всегда говорил Еве Рорк. А среди деревьев возвышался знаменитый особняк Рорка – с башнями, башенками, галереями и балконами. Ева часто думала, что это грандиозное сооружение должно стоять на вершине утеса, чтобы внизу бурлило и пенилось море.

Этот дом и парк были спасительным островком для обитателей. Город с его гудящими толпами и автомобилями, с его пестрой, назойливой рекламой был не в состоянии пробраться сквозь высокую ограду. Это был оазис, который Рорк построил, чтобы спастись от вероломства, бесцеремонности и злой воли окружающих, а также от воспоминаний о собственном беспросветном детстве.

Каждый раз, когда Ева оказывалась здесь, ее рассудок словно раздваивался. Одна часть твердила, что ей тут не место, другая доказывала, что только здесь она и может жить.

Она оставила машину у парадного подъезда, зная, что Соммерсет потом из принципа отгонит ее в гараж. Этот железный зверь, принадлежащий Центральному полицейскому управлению, оскорблял чувства старого дворецкого, наверное, так же сильно, как и присутствие самой Евы.

Топая ботинками по ступеням, она взбежала на крыльцо и окунулась в тепло, красоту и роскошь, которые можно приобрести только за очень большие деньги. Соммерсет, с кислой физиономией и вытянутыми в тонкую ниточку губами, уже ждал ее.

– Лейтенант, вы меня удивляете. Вы приехали домой сразу после окончания рабочего дня, такого еще не случалось.

– Неужели вам больше нечем заняться, кроме как хронометрировать мои приходы и уходы? – Ева сняла куртку и кинула ее на столбик лестницы, чтобы позлить дворецкого. – Могли бы, к примеру, пойти на улицу и пугать маленьких детей.

Соммерсет не остался в долгу. Он осторожно, двумя пальцами, взял ее кожаную куртку и внимательно осмотрел ее.

– Как, сегодня вы даже не запачкались в крови?

– Еще не все потеряно. Это можно устроить прямо сейчас. Рорк еще не вернулся?

– Рорк внизу, в комнате отдыха.

– Ага, мальчик играет в свои игрушки!

Ева гордо прошествовала мимо старика, но он не мог оставить последнее слово за ней.

– После вас на полу мокрые следы!

Она оглянулась, а потом посмотрела себе под ноги.

– Вот и хорошо, у вас появится хоть какое-то занятие.

Удовлетворенный этой дуэлью, Соммерсет отправился приводить в порядок куртку Евы, она же спустилась по лестнице и пошла в спортзал.

Проходя мимо купального павильона, Ева покосилась на большой бассейн, манивший своей глубокой таинственной синевой. Джакузи бушевали миллионами пузырьков, из горячих ванн, словно гейзеры, вырывались тонкие струйки пара. Хорошо бы сейчас раздеться догола и кинуться в воду! Но нет, сначала она должна поговорить с Рорком.

В спортзале было пусто. Ева миновала раздевалку, небольшую оранжерею и остановилась возле двери в комнату отдыха, откуда доносился шум. Эта комната являла собой воплощенную мечту любого двенадцатилетнего подростка. Правда, сама она перестала мечтать об игрушках задолго до того, как ей исполнилось двенадцать.

Здесь находились два стола – для бильярда и пула, несколько огромных экранов, подключенных к игровым приставкам, домашний кинотеатр для просмотра голографических фильмов, а также целый табун ярко раскрашенных игровых автоматов: автогонки, морской бой и черт знает что еще.

Около одного из автоматов стоял Рорк, широко расставив длинные ноги. Его пальцы методично нажимали на какие-то штуковины, по виду напоминавшие большие кнопки. На крышке автомата вспыхивали, гасли и переливались сотни разноцветных огоньков, а на боку было выведено крупными буквами: «Полицейские и воры». Из недр железного ящика вырывался пронзительный вой полицейских сирен, треск пушечных выстрелов, визг покрышек на поворотах, а на крышке вдруг закрутилась красно-синяя мигалка.

Засунув большие пальцы рук за пояс, Ева подошла к мужу.

– Значит, вот чем ты развлекаешься в свободное время?

– Здравствуй, дорогая. – Рорк даже не оторвал глаз от закрытой стеклом панели, под которой металась, сталкивались и рикошетили от стенок серебристые шарики. – Что-то ты сегодня рано.

– Я ненадолго. Мне нужно поговорить с тобой.

– Ага-м-м... гм... Одну минуточку.

Ева уже открыла рот, чтобы возмутиться, но тут же подпрыгнула от неожиданности: из автомата раздался пронзительный звон, на крышке вспыхнули ослепительные огни.

– Что это за хреновина?

– Классика пинбола! Ему, наверное, лет тридцать, но он еще в отличном состоянии. – Рорк ласково похлопал разноцветного монстра по железному боку. – Только сегодня купил.

– «Полицейские и воры»?

– Да. Я просто не смог устоять.

Машина ответила ему зверским воплем: «Лежать! Мордой вниз! Руки за голову!», и Ева опять подпрыгнула от неожиданности. Последний шарик, звякнув, закатился в лунку, и автомат, словно спятив, замигал разноцветными огоньками.

– Дополнительный шарик, – удовлетворенно произнес Рорк, отступив на шаг и расправив плечи. – Впрочем, это может подождать.

Он наклонился, чтобы поцеловать жену, но Ева оттолкнула его, упершись ладонью в грудь.

– Не так быстро, игрок! Сначала скажи, какого черта ты звонил Фини?

– Чтобы предложить свою помощь полиции родного Нью-Йорка и выполнить, так сказать, свой гражданский долг. Давай кусаться? – Он наклонился и прикусил ее нижнюю губу. – Давай поиграем.

– Не забывай, что главная – я!

– Конечно, дорогая.

– Я имею в виду расследование, умник!

– В расследовании тоже. Поэтому тебе понадобилась информация на сотрудников театра, а достать ее ты поручила Фини. Очевидно, тебе в голову не пришло, что эта информация у меня давным-давно собрана. Но теперь все сделано. Кстати, у тебя мокрые волосы.

– На улице моросит.

Еве очень хотелось поспорить, но она не знала, к чему прицепиться. Рорк был полностью прав.

– Зачем тебе понадобилась столь исчерпывающая информация на всех, кто работает в «Новом Глобусе» и связан с этой постановкой?

– Затем, лейтенант, что все, кто работает в «Глобусе» и связан с этой постановкой, работают на меня. – Рорк сделал шаг назад и взял бутылку пива, которую до этого поставил на панель игрового автомата. – Видимо, у тебя сегодня был тяжелый день?

– Да уж!

Рорк протянул ей бутылку. Сначала Ева отрицательно покачала головой, но потом, пожав плечами, взяла ее и сделала несколько глотков.

– Я хочу отдохнуть пару часов, чтобы прояснилось в голове.

– Я тоже. И у меня есть отличное средство для этого – пинбол на раздевание.

Ева фыркнула:

– Иди ты!

– Если ты боишься проиграть, я дам тебе фору. – Говоря это, Рорк улыбнулся: он слишком хорошо знал свою жену.

– Я не боюсь проиграть. – Ева сунула ему в руки бутылку; в ней уже проснулся боевой дух. – А какая фора?

Все еще улыбаясь, Рорк снял туфли.

– Вот это и еще пятьсот очков за каждый шарик. Учítывая, что ты – начинающий, это, по-моему, справедливо.

Ева испытующим взглядом посмотрела на автомат.

– Значит, говоришь, ты купил эту штуковину только сегодня?

– Буквально несколько часов назад.

– Начинай!

– С удовольствием.

В течение следующих двадцати минут Ева проиграла ботинки, носки, кобуру и теперь проигрывала рубашку.

– Черт возьми! Эта железяка жульничает! – воскликнула она, потеряв терпение.

– Машина не может жульничать. Просто ты чересчур агрессивна. Позволь, я помогу тебе. – Рорк принялся расстегивать ее рубашку, но она оттолкнула его руки.

– Я сама справлюсь! Значит, жульничаешь ты! – Сняв рубашку, Ева осталась в футболке, джинсах и босиком. – Не знаю как, но ты мухлюешь!

– А ты не допускаешь мысли, что я просто классный игрок?

– Нет!

Рорк засмеялся и, взяв жену за плечи, повернул ее к себе.

– Я дам тебе дополнительный ход и помогу выбраться. – Он положил свои руки на ее верх панели управления. – Надо не нападать, а маневрировать. Шарик все время должен быть в игре. Вот, смотри.

Рорк запустил шарик и, наклонившись вперед, стал следить за ним через плечо Евы.

– Нет, подожди. Не надо давить на все кнопки подряд, да еще с таким бешенством. Не торопись.

Он нажал на ее пальцы, послав серебристый шарик в ворота, которые обозначали «стрельбу из автомата». Машина тут же сымитировала пальбу, разразившись громкими очередями.

– Я хочу туда, к золотой решетке! – Ева была азартным игроком, знала за собой это и всегда старалась избегать подобных развлечений.

– Все в свое время, все в свое время... – Рорк прижался губами к шее жены. – Ну вот, ты уничтожила полицейскую машину и заработала пять тысяч очков.

– Но я хочу золото.

– Как я тебя понимаю! Что ж, давай попробуем. Чувствуешь мои руки?

Рорк стоял, крепко прижавшись бедрами к упругим ягодицам Евы.

– Это не руки, – откликнулась она.

На его губах появилась широкая улыбка.

– Верно. Вот они. – И он положил ладони на груди жены, почувствовав, как под тонкой хлопковой тканью ее сердце пустилось вскачь. – Предлагаю тебе сдать на милость победителя. Это будет почетная капитуляция.

– Черта с два!

Рорк поймал зубами мочку ее уха и слегка прикусил. Пальцы Евы вздрогнули и непроизвольно нажали на кнопки. Машина взорвалась бравурными звуками.

– Что это? Что... – Ева чуть не подскочила от удивления.

– Ты выиграла золото! Призовые очки и дополнительный шарик. – Рорк расстегнул верхнюю пуговицу на ее штанах. – Молодец!

– Спасибо.

Ева слышала, как звенят колокольчики – и в автомате, и в ее голове. Она позволила Рорку развернуть ее так, что они оказались лицом к лицу.

– Но ведь игра еще не окончена...

– Далеко не окончена! – Его губы, горячие и жадные, прильнули к ее губам, ладони, которые уже находились под майкой, накрыли груди Евы. – Я хочу тебя... Я всегда тебя хочу!

Задыхаясь от желания, Ева дрожащими руками стала расстегивать пуговицы на его рубашке.

– Ты должен был проиграть хотя бы несколько вещей. На тебе надето слишком много всего.

– Я это учту.

Желание овладело ими обоими так быстро и властно, что теперь обжигало, заслоня собой весь остальной мир. Тело жены казалось Рорку сокровищем – его линии, округлость мышц, удивительная чистота и мягкость кожи. Крепко прижавшись к любимой, он тонул в ней.

А Еве хотелось отдавать. Отдавать все, что у нее есть, все, что у нее когда-либо будет. Рядом с ним она забывала все ужасы своего детства, все тяготы своей работы. То, что они снова и снова дарили друг другу, было ее собственным, только ей принадлежащим чудом.

Ева опустила на пол, увлекая Рорка за собой.

– Посмотри на меня...

Его имя застряло у нее в горле, она онемела, почувствовав, как нежные пальцы скользят по ее телу, проникают в нее. По коже Евы побежали мурашки, словно серебристые шарики, которые только что бешено металась под стеклом игрового автомата.

Рорк увидел, как затуманились ее глаза, а потом вдруг широко открылись и потемнели.

– Давай... Давай...

Ее пальцы впились в его плечи, по телу проходили судороги, и, когда из ее горла уже готов был вырваться яростный крик наслаждения, он накрыл ее рот губами...

* * *

– Я не проиграла!

Рорк повернулся и с улыбкой посмотрел на обнаженные ягодицы Евы, которая, нагнувшись, подбирала с пола свою одежду.

– А я и не говорил, что ты проиграла.

– Но ты подумал, я же знаю! Мне просто не хватило времени, чтобы закончить игру.

– Будем считать, что она отложена. – Рорк застегнул брюки. – Есть хочу! Давай что-нибудь проглотим?

– Времени нет. Мне нужно работать. Я собираюсь поехать в гостиницу и осмотреть номер, где жил Драко.

Рорк тем не менее чуть ли не силком притащил жену на кухню и собственноручно пожарил бифштексы и разогрел суп.

– Я поеду с тобой, – решительно заявил он, когда Ева допила кофе.

– Я тысячу раз просила тебя не вмешиваться! Это дело полиции.

– Разумеется, а я лишь выполняю свой гражданский долг. Впрочем, я это, по-моему, уже говорил. – Зная, что Ева наверняка разозлится, Рорк с улыбкой добавил: – В конце концов, гостиница тоже принадлежит мне.

Понимая, что он хочет позлить ее, Ева предпочла промолчать. «В конце концов, это же не место преступления, куда не пускают посторонних, – подумала она. – Так что, если он поедет со мной, большой беды не будет». Кроме того, ей могли пригодиться его наблюдательность и ум, хотя вслух она в этом не призналась бы никогда.

– Ладно, – согласилась Ева, с напускным равнодушием пожимая плечами. – Только не путайся под ногами.

Рорк послушно кивнул, хотя вовсе не собирался выполнять ее просьбу: иначе было бы скучно.

– Мы возьмем с собой Пибоди?

– Она на свидании.

– А-а... С Макнабом?

Ева почувствовала приступ раздражения.

– Она не встречается с Макнабом. – Заметив удивленный взгляд Рорка, Ева с ожесточением отодвинула от себя чашку. – Послушай, возможно, в каком-то параллельном измерении, далеко-далеко, они занимаются сексом. Но они не встречаются. Вот так!

– Дорогая, рано или поздно обязательно наступает момент, когда дети улетают из родного гнезда, как бы ни было обидно маме.

Ева замахнулась на мужа ложкой:

– Заткнись! Я серьезно говорю. Они НЕ встречаются!

* * *

В каком-то смысле обшарпанную квартиру Макнаба, расположенную в южной части Вест-Сайда, действительно можно было назвать «параллельным измерением». Это было типичное жилище одинокого мужчины: бедно обставленное, напичканное разнообразными спортивными призами, с раковиной, полной грязной посуды.

Когда ожидался приход дамы, Макнаб обычно пытался хотя бы частично разгрести повседневный кавардак, распихивая по шкафам грязное белье и невымытые тарелки. В помещении после этого все равно оставался стойкий запах подгоревшей овсянки, но хозяина квартиры это нисколько не смущало. Он гордо оглядывал результаты своих трудов, пребывая в твердой уверенности, что навел стерильную чистоту. Ту же операцию Макнаб проделал и перед приходом Пибоди.

– Ну и ну! – Он перекатился на спину и хватал ртом воздух, как выброшенная на берег форель. Рядом с ним в постели лежала обнаженная женщина, и, даже если сейчас ему было бы суждено умереть, он предстал бы перед Создателем счастливым человеком. – Сегодня мы с тобой побили все рекорды. Надо записать это для потомства.

Пибоди находилась на грани обморока, как это всегда с ней случалось, когда она оказывалась в постели с Йеном Макнабом.

– Я не чувствую ног, – пролепетала она, едва ворочая языком.

Макнаб галантно приподнялся на локте, но, поскольку они кончили в позе валета, он видел только ноги Пибоди от ступней до колен. Колени у нее, надо сказать, были просто загляденье.

– Даю тебе слово, что я их не съел, иначе бы я это запомнил. – Он провел ладонью по ноге Пибоди и добавил: – Да вот же они! Обе на месте.

– Слава богу. Они мне еще понадобятся.

Отдышавшись, Пибоди села в постели, посмотрела на лицо Макнаба и уже не в первый раз задумалась: в какой же момент она потеряла от него голову? Если бы месяц назад кто-нибудь сказал ей, что она будет лежать голый в кровати с Макнабом, Пибоди плюнула бы этому человеку в лицо.

– Как здесь холодно! – пробормотала она, закутавшись в скомканные простыни.

– Этот жмот-домовладелец выключил отопление, заявив, что весна на носу и уже тепло. Можно подумать, что я не плачу за квартиру! Как только получу зарплату, первым делом куплю обогреватель.

Макнаб зевнул и пригладил свои вьющиеся светлые волосы. Пибоди едва удержалась, чтобы не поиграть с его золотистыми кудряшками. На худом бедре Макнаба красовалась переводная татуировка, изображающая серебряную молнию, а в левом ухе – четыре тоненьких золотых колечка. Кожа у него была белой, как молоко, глаза – зелеными. Пибоди до сих пор не могла объяснить себе, что привлекло ее в нем. И тем более – как вышло, что они регулярно и отчаянно занимаются сексом, а встречаясь на службе, не испытывают по отношению друг к другу ничего, кроме раздражения.

Она и рада была бы сказать, что ей не по вкусу такой тип мужчин, но беда в том, что Пибоди и сама не знала, какой именно тип ей по душе. Ее успех у мужчин носил обычно случайный характер и вообще был каким-то... однобоким, что ли.

– Я, пожалуй, пойду.

– Почему? Еще рано.

Макнаб сел в постели и, зазывно глядя на Пибоди, погладил ее по голому плечу.

– Я изголодался...

– Господи, Макнаб, мы же только что закончили!

– Вообще-то я имел в виду пиццу. – Он знал ее слабое место. – Давай подкрепимся.

– Я на диете.

– Это еще зачем?

Пибоди округлила глаза, обмоталась смятой простыней и встала с кровати.

– Как зачем? Чтобы не быть толстой.

– Ты вовсе не толстая. Ты просто крепко скроена. – Проявив завидную быстроту, он поймал краешек простыни и сдернул ее с Пибоди. – Очень крепко скроена!

Когда Пибоди нагнулась, чтобы поднять простыню с пола, Макнаб спрыгнул с постели, обхватил ее сзади за талию и прижался так крепко, что она испугалась.

– Ну ладно, давай перекусим, а там видно будет.

– Прекрасно! У меня есть неплохое вино.

– Если это то же самое вино, которым ты поил меня в прошлый раз, я лучше попою из унитаза.

– Нет, это другое. – Он поднял с пола свой оранжевый тренировочный костюм и натянул на себя. – Хочешь, дам тебе какие-нибудь штаны?

Когда Пибоди услышала такое предложение, ей захотелось отхлестать его по щекам.

– Макнаб! Я не влезла бы в твои штаны даже в возрасте двенадцати лет, а теперь и подавно. У меня задница шире, чем у тебя плечи.

– Это верно, – поспешно согласился Макнаб. – Ну ладно, мне нравятся полные женщины – особенно в полицейской форме. – Ему каждый раз приходилось уговаривать ее остаться после первого «сеанса связи».

Макнаб отправился на кухню и достал из холодильника бутылку вина, которую он купил накануне, предвкушая очередное свидание с Пибоди. Он часто думал о ней, слабая от этих мыслей. Когда ему удавалось удержать ее в постели, все было хорошо: он не задумывался о своих словах, а все действия происходили сами собой.

Сунув пиццу в духовку, Макнаб вытащил из ящика стола штопор. Это проклятое вино обошлось ему в два раза дороже, чем то пойло, к которому он привык. Но когда тощему парню вроде него приходится конкурировать с изощренным в своем деле красавцем-жиголом, не остается ничего другого, как идти на жертвы. Он не сомневался, что Чарльз Монро – знаток тонких вин. Они с Пибоди, наверное, принимают ванны из шампанского...

Представив себе эту картину, Макнаб разозлился и, чтобы успокоиться, залпом выпил полбокала вина, а затем обернулся, услышав, как из спальни вышла Пибоди. Она была в форменных штанах и рубашке, расстегнутой у горла, и Макнабу до боли захотелось поцеловать ее туда – в то место, где из-под грубой хлопковой ткани виднелась нежная кожа.

Дьявольское наваждение!

– Что с тобой? – спросила она, заметив выражение страдания на его лице. – Пиццы не оказалось?

– Отчего же? Сейчас будет готова. – Макнаб протянул ей бокал вина. – Я думал... о работе.

– М-м-м... – Пибоди отпила вина и вытянула губы, наслаждаясь его приятным вкусом и нежным ароматом. – Вот это совсем другое дело! А что у тебя на работе? Собираешь информацию на свидетелей по делу Драко?

– Все уже сделано и отослано Даллас.

– Быстро сработали.

Макнаб только пожал плечами. Зачем ему было рассказывать, что вся необходимая информация буквально свалилась ему в руки от Рорка?

– Наш отдел всегда работает на совесть. Хотя этот случай – особый. Даже после того, как список подозреваемых и свидетелей отфильтруют, в нем все равно останется очень много имен. Представь себе, на глазах у тысяч людей мужику в сердце всаживают нож!

– Мне ты можешь не объяснять. Нам всем предстоит еще та работка.

Пибоди сделала еще глоток и уселась в кресло. Она вдруг осознала, что здесь, в кошмарном бедламе Макнабова логовища, чувствует себя не менее уютно, чем в собственной чистенькой квартирке.

– Ты знаешь, мне кажется, что-то происходит, – сказала она неожиданно для себя.

– Всегда что-то происходит, – философски заметил Макнаб.

– Нет, сейчас – что-то необычное. – Уткнувшись носом в бокал, Пибоди боролась с собой. Ее распирало. Она чувствовала, что если прямо сейчас не расскажет ему о встрече в «Голубой белке», то буквально взорвется. – Слушай, хочешь, я расскажу тебе кое-что? Только по секрету!

– Само собой! Валяй!

Поскольку пиццу можно было ждать не раньше чем через десять минут, Макнаб открыл пакет с соевыми чипсами и устроился на ручке кресла, в котором сидела Пибоди.

– Так что там у тебя за тайна?

– Честно говоря, сама не знаю. Надин Ферст настояла на встрече с лейтенантом. Она просто разваливалась на куски! Я имею в виду Надин. – Пибоди рассеянно сунула руку в

пакет с чипсами. – Я ее такой еще никогда не видела. Эта встреча была личной. И очень серьезной. Они отослали меня в другой конец комнаты, но я видела их лица. А потом Даллас не сказала мне ни слова.

– Подумаешь! Может, у них просто какие-то свои дела.

– Надин не стала бы так яростно настаивать на встрече, если бы не оказалась в беде. – В некоторой степени Пибоди и себя считала подругой Надин, поэтому сейчас ее грыз изнутри какой-то червячок. С какой стати ее отослали, будто маленькую девочку?! – Я думаю, это каким-то образом связано с делом Драко. Но почему Даллас ничего мне не рассказала? Она должна доверять мне!

– Может, я попробую разузнать об этом?

– Я и сама могу попробовать. Мне не нужна помощь отдела электронного сыска.

– Дело твое.

– Не лезь в это! Я сама не знаю, для чего рассказала тебе все это. Меня что-то точит.

Надин – моя подруга. По крайней мере, так считается.

– Ты просто ревнуешь.

– Чушь собачья!

– Ревнуешь, ревнуешь! – Макнаб обнял Пибоди за плечи. – У Даллас и Надин появились какие-то свои дела, в которые они тебя не допускают, вот ты и ревнуешь.

Пибоди спихнула Макнаба с ручки кресла.

– Ты дурак!

– Эй, поосторожнее! – весело откликнулся он. – Будешь обзывать – не получишь пиццу.

6

Рорк наблюдал за тем, как Ева вынула универсальный электронный ключ и провела им в прорези замка пентхауса «А».

– Ничего не трогай и не вертись у меня под ногами, – предупредила она.

– Дорогая, ты повторяешься.

Она обернулась и посмотрела мужу в глаза.

– Я повторяюсь потому, что ты никогда не слушаешься.

Ева открыла дверь, и они вошли внутрь.

– Не понимаю, почему человек, который в основном живет и работает в Нью-Йорке, предпочитает снимать номер в отеле вместо того, чтобы купить собственный дом.

– Во-первых, ради выпендрежа. Чтобы про него говорили: «Представляете, когда мистер Драко бывает в Нью-Йорке, он снимает целый пентхаус в «Палас-отеле!»» Во-вторых, удобство: по первому мановению мизинца для тебя сделают все, что бы ты ни пожелал. И в-третьих – возможно, это главное, – полное отсутствие какой бы то ни было ответственности. Все, что вокруг происходит, тебя не касается, это не твои проблемы.

– Судя по тому, что я слышала о Драко, последнее объяснение наиболее правдоподобно.

Ева огляделась. Кругом царил невероятная роскошь. Впрочем, чему тут удивляться, если все здесь принадлежало Рорку?

Гостиная была необъятной – обтянутые розовым шелком стены и куполообразный потолок, расписанный затейливым узором из фруктов и цветов. На трех бархатных диванах винного цвета лежало множество светлых подушек, напоминавших топазы. Старинные деревянные столы были отполированы до зеркального блеска – так же, как и полы. Ноги по щиколотку утопали в ковре, рисунок которого точь-в-точь повторял роспись на потолке.

Одна из стен была стеклянной, и за ней, словно рождественская елка, переливался огнями огромный Нью-Йорк и тянулся длинный балкон, уставленный каменными вазами с живыми цветами. В одном конце гостиной сияло лакированными боками белоснежное пианино, в другом за резными деревянными панелями скрывался домашний кинотеатр.

– Видимо, после того как он отправился в театр, сюда приходили уборщики, – проговорил Рорк. – Я могу распорядиться, чтобы вызвали бригаду, которая работала в тот вечер, и они расскажут, в каком состоянии было помещение.

– Да, – рассеянно ответила Ева. Зная Надин, она могла предположить, что в тот вечер помещение выглядело так, будто по нему прошел торнадо.

Ева подошла к деревянным панелям, раздвинула их, и ее взгляду предстал гигантский экран.

– Поглядим, чем он развлекался перед смертью, – пробормотала она и нажала на кнопку воспроизведения видеомэгнитофона. Экран вспыхнул, и на нем появилась обнаженная парочка, исступленно занимавшаяся любовью на простынях черного цвета. – И почему только мужикам так нравится наблюдать, как трахаются другие?

– Мы все – озабоченные, испорченные и слабые. Прости нас.

Ева рассмеялась. Между тем парочка перевернулась, теперь женщина смотрела прямо в камеру, и Еве стало не до смеха.

– Господи боже мой! Да ведь это же Надин! Надин и Драко!

Рорк сдержал возглас удивления и сказал:

– Эта запись сделана не здесь. Тут нет таких спален. И прическа у Надин другая. Помоему, этой записи не один год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.